

Наталья
Симонова

ЖИЗНЬ КАК ЦЕПОЧКА
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

СОСТАВ: Оптимизм - 45%, спокойствие - 25%
уравновешенность - 15%, доброжелательность - 15%

Все еще будет!

Наталья Симонова

**Жизнь как цепочка
обстоятельств (сборник)**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Симонова Н.

Жизнь как цепочка обстоятельств (сборник) / Н. Симонова —
«Эксмо», 2016 — (Все еще будет!)

ISBN 978-5-04-006198-3

Если твой муж явился на знакомство с женихом дочери вдвоем с любовницей и тебе пришлось ломать комедию перед молодыми, это может закончиться для тебя больницей и депрессией. Что же спасет тебя, что спасет Свету и вернет ее к жизни?.. Рассказы Натальи Симоновой, такие непохожие друг на друга, объединяет одно: их герои поступают с близкими неправильно, исправляют ошибки, вновь наступают на те же грабли — в общем, живут. Они о том, что все мы — неплохие люди и, несмотря на трудности, заслуживаем любви.

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-006198-3

© Симонова Н., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Что было, что будет...	5
Из пункта А в пункт Б...	24
Не было печали	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Наталья Симонова

Жизнь как цепочка обстоятельств (сборник)

Что было, что будет...

Сначала я думала, меня тошнит от вранья. А на боль в животе вообще не обращала внимания. Но потом все кончилось «Скорой» и больницей.

Вообще не понимаю, когда это началось, кажется, как-то сразу обвалилось – и вот уже вокруг катастрофа, стены моего семейного здания рушатся, и я не живу, а затыкаю бреши, и не успеваю утешиться результатами, потому что сразу появляются новые бреши – и я опять затыкаю.

А сейчас лежу вот в палате и думаю: может, оно и к лучшему? Надоело, устала я, ну сколько можно? Теперь хоть отдохну от того, что все на мне, от этой одинокой ответственности отвыкну и попробую что-то обдумать.

Света готовила борщ, отгоняя мысль, что есть его, кроме нее, будет некому. Она привыкла готовить. Зазвонил телефон. Света узнала голос дочери и смутилась – она так и не придумала пока, как сказать Танюшке, что отец ушел и больше с ней не живет.

– Мамочка, привет! – кричала Танюшка. – Мамулечка, у меня потрясающие новости: я выхожу замуж! За Влада! Мамочка, ты слышишь меня, ты что молчишь?!

– Слышу, Танюша, конечно. Я очень рада... Просто ты меня ошеломила.

– Мамулечка, я уже познакомилась с его родителями – они классные! Мам, такие... Представляешь, я тебе ведь говорила, его отец – наш декан, а мама у них переводчик. Семья вообще потрясающая! И они очень хотят с тобой и с папой познакомиться!

– Ну да, да, Танечка... конечно...

– Мам! А теперь самое главное: в субботу мы все к вам приедем. Я уверена, вы им очень понравитесь! Ты у меня готовишь как бог, и вообще... А папик их сразит своим остроумием! Мамуль, мы приедем утром, с ночного поезда, ждите. Мам, ты рада? Мам, я так счастлива!

– Да, да, конечно, доченька... А как же... Как-то вы так сразу... Мы еще и Владика не видели, а уже с родителями...

– Мамуль, так ведь мы женимся! Что ж теперь... Как раз поговорите о свадьбе. У его мамы уже есть план, как все будет. Мамочка, ты подумай, твоя дочка выходит замуж за потрясающего парня! Из отличной семьи! Это супер! И вы у меня с папой – тоже супер. Мамулечка, все, целую, целую, целую. Папика поцелуй, в субботу увидимся, встречать не нужно, жди дома, готовь завтрак... Переходящий в ужин...

Таня училась в Питерском университете. Там она познакомилась с Владом. И вот теперь – замуж...

«Что ж мне делать? – подумала Света чуть ли не с отчаянием. – Даже Таньке не знаю как сказать. А тут они приедут вместе, да еще с родителями! Господи! Как все это некстати – разве так бывает?! Все как нарочно...»

Неделю назад... Да что там неделю! Давно уже все было не так. Но все еще как-то по-семейному, все бы еще можно было выкрутиться перед новой родней. А вот неделю назад Саша пришел вечером и ужинать не стал. Вместо этого сообщил ей, что уходит. К другой. У него любовь. А она не нужна. Света в растерянности спросила, как же Танюша. А что

Танюша, – возразил муж, – она взрослая, скоро сама наверняка замуж выскочит (как в воду глядел!), а нам хватит уже жить во лжи, да и без любви все равно жить плохо.

Света поплакала и смирилась. Она и сама устала в общем-то от его поздних приходов, неправдоподобных объяснений, молчаливости и холодности. А теперь вот – такие дела... Ужас!

Она вызвала номер на телефоне.

– Саш, у нас проблема. С Танюшкой.

– Что с ней? – сухо уточнил муж.

– Замуж выходит.

– Я от дочери не уходил. Все что нужно к свадьбе – сделаю. Это все?

Света почувствовала привычную боль.

– Саш, я сейчас не о деньгах.

– Так о чем?

– Они в субботу приезжают знакомиться... – Ей вдруг стало страшно: вдруг он не захочет ничего слушать, не придет, испортит Таньке помолвку – еще не известно, как эти питерцы отнесутся, у них-то в семье вон как все хорошо. Да и Танюша... – Саша, – начала она осторожно, – понимаешь, они приедут знакомиться с нами. Мало того – с Владом будут его родители. Танька их очень хвалила. А им она нас хвалила... Она ж ничего не знает.

– Почему ты ей до сих пор не объяснила?! – взревел муж. – Я тебе, кажется, все уже сказал, что еще не понятно?! Я не буду жить с тобой, не буду – и всё! Поймешь ты это наконец или нет?

– Как я могла ей объяснить?! – огрызнулась Света. – Когда?! Я что – должна была ей специально звонить для этого? Что, специально позвонить, чтобы плюнуть себе и ребенку в душу?! «Танечка, здравствуй, детка, имей в виду, мы с папой больше вместе не живем! Целую. Отбой». Да? Так я должна была сказать? Вот сам бы и звонил с такими сообщениями! А когда дочь позвонила – она мне даже слова сказать не дала, верещала без умолку, как у нее все хорошо и замечательно! Счастливая такая... – Света вдруг заплакала, так что даже скрыть не смогла – голос выдал.

– Свет, – устало сказал муж, – ну что ты хочешь? Что же я могу сделать? Ничего изменить я не могу.

Она взяла себя в руки.

– Саша. Я вот что думаю. Мы должны их встретить. Потом уже пусть будет что будет – но не сейчас. Пусть помолвка пройдет нормально – дружная семья, и все на местах. Понимаешь?

– Как ты себе это представляешь?

– Обыкновенно. Как это было раньше. Как могло бы быть, если бы ты не свалил. Ты приходишь в пятницу домой, ночуешь, и утром, когда они приезжают, мы выглядим нормальными родителями и счастливыми супругами.

– Свет, ты что, обалдела? Я не собираюсь у тебя ночевать.

– Саш, неужели ты думаешь, что я посягну на твою невинность? – криво улыбнулась Светлана. – Обещаю не приставать... Я просто хочу уберечь дочь от... От всего, что последует, если мы...

– Может, лучше позвонить ей сейчас, сказать, пусть она им там все как-то объяснит?

– Ты хочешь перекинуть на ребенка наши проблемы? Ты только представь, в какое положение мы ее поставим.

– Ладно, – со скрипом выдавил Саша. – Только ночевать я не собираюсь. Приду утром, часов в семь, нормально будет.

– Хорошо. – Света вздохнула. – Только не опаздывай, пожалуйста. У Таньки такой голос счастливый – пусть все будет как она хочет.

– Ладно.

Светлана кинулась стряпать проворнее. Доваривая борщ, обдумывала меню завтрака и обеда. Черные мысли отступали. «Я отличная хозяйка», – сказала она себе. «Я готовлю как бог», – улыбнулась, вспомнив Танюшкин комплимент.

– Кто бы это мог быть?

Муж на звонок и на Светин вопрос не реагировал, занимал гостей. Будущие родственники и дочь хохотали, восхищенные очередной Сашиной шуткой, и почти не заметили, что в дверь позвонили. Был уже вечер. День прошел отлично, родители невесты не ударили в грязь лицом – всем было весело, сытно и как-то очень душевно. Света тоже старалась делать вид, что ее ничто не беспокоит. На звонок из прихожей отреагировала только она – вышла и сразу открыла, не заглядывая в глазок и не спрашивая. Незнакомая женщина без заминки прошла в квартиру.

– Здравствуйте... А вы к кому? – поинтересовалась Света.

– А я к тебе, – с напором выдохнула гостья. – Слушай, может, хватит за него цепляться? Он к тебе не вернется, лучше миром отпусти!

– Ах вот оно что... – Света быстро прикрыла дверь в гостиную. – Говорите тише, к нам Таня приехала со своим женихом.

– Офигеть! Ты что, дочь решила впутать? Ну какой смысл, послушай, для чего тебе позориться? Он же тебя не любит...

Дверь гостиной распахнулась, Таня, смеясь, выбежала в прихожую.

– Мам, иди скорее, там папик такой фокус показывает... Здравствуйте... – Она застыла на мгновение. – Мам, ты скоро? – спросила чуть настороженно. – У тебя какие-то проблемы?

– Ну какие проблемы, дочь! Это моя подруга...

– Марина, – механически представилась новая Сашина женщина.

– Таня, – радостно подхватила Танюшка. – Так проходите, у нас сегодня помолвка, посидите с нами.

В прихожую вышла будущая Татьянина свекровь.

– Светочка, ваш муж нас совсем уморил... Здравствуйте, – приветствовала она Марину. – Света, мы вас ждем.

– Да, да, я сейчас.

– Мамуль, давайте вместе с Мариной, это нужно видеть, что там наш папик выделяет. Он просто гений! Пойдемте, Марина, не пожалееете.

– Сейчас, Танюш, сейчас, ты иди, мы сейчас... Слушай, иди домой, он скоро вернется.

– Когда? – резко уточнила развязная гостья.

– Завтра днем они уезжают обратно в Питер – я его ни минуты не задержу.

– Ха-ха! Ну ты умная, – повысила голос Марина. – Я его здесь не оставлю, как хочешь!

– Послушай, он мне не нужен, можешь понять? А мне нужно, чтобы дочери не испортили праздник, да чтоб родители жениха не узнали, какой у нас тут... бардак! В это что – так трудно поверить?

– Да! – завопила Марина. – Не нужен, да? Ты тут интриговать, а я уйду как дурочка, так, что ли? Ты с ним будешь, а я уйду, по-твоему? Да я сейчас тут у вас такой хай подниму, вмиг разгоню тебе родню эту новую...

Со своим предупреждением гостья явно припозднилась – хай она уже подняла. Но в гостиной, видно, такое было веселье, что криков ее пока никто не услышал.

– Так, не дурочка, говоришь? – рявкнула Света. – Тогда молчи и слушай меня. Ладно... Подруга – так подруга. Не хочешь уходить – пошли сейчас со мной, и весь вечер изображаем закадычную дружбу. Следи за ним сколько хочешь, если так в себе и в нем не уверена.

– Это я не уверена?! – взвилась визитерша.

– Не ори! Это же ты его без присмотра оставить не можешь? – Марина зачастила скороговоркой. – Значит так, я не хочу дочери радость портить, поняла? Сидишь, значит, с нами, изображаешь мою подругу. Квартира у нас, как ты видишь, двушка, особо не разнежишься. Так что Влад с Танюшкой в ее комнате будут ночевать, а родители в гостинице остановились. Сашка как бы пойдет тебя провожать – и до утра делайте что хотите, дети, надеюсь, не заметят его отсутствия, им сейчас не до нас... Только утром пусть он приходит пораньше, чтобы без накладок. Проводим по-человечески – и пусть катится, держать не буду. Мне главное, чтобы дочь ничего пока не узнала. И чтоб ее новая родня не догадалась...

– Слушай, – тихо сказала Марина, – ну а потом? Какой смысл скрывать, если потом все равно придется объясняться?

– Потом – другое дело. Дочь приехала родителей знакомить, она сейчас своими мамой-папой хвалится, так счастлива – не к месту ей сейчас наши дела... Все, пошли кривляться. Ты мне подыграешь – я тебе тоже мешать не стану.

Я натянула на лицо улыбку и постаралась с любовью взглянуть на свою «подругу». Чтобы убедительно играть роль, нужно верить в предлагаемые обстоятельства. Я верю: вот моя подруга, а вот – мой любимый и любящий муж. И у меня радость: дочь замуж выходит. Да. И вот тут у меня то, во что я действительно верю: Танюша не должна потерять ни зернышка своего счастья, она ни о чем не должна догадаться, а тем более – ее новая родня. А мне самой уже ничего не нужно.

Итак, любимый муж забавлял гостей. И вдруг он увидел меня. Точнее нас с «подругой». И застыл с глупым лицом. А я кинулась скорее Марину представлять – подруга, мол, пришла, а у нас как раз такая радость. А сама на него глазом зыркаю, давай, мол, мужик, поправляйся, включайся в представление. Он чуть в себя пришел, стул ей подвинул, смотрю, то на нее взгляд кинет быстрый, опасливый, то на мне его остановит, точно на лице у меня прочесть хочет, каковы для него размеры бедствия. Но, чувствую, догоняет, что бедствия не ожидается, а что-то такое непонятное, но все под моим контролем. И он успокоился как будто. Разулыбался опять, снова руками замахал – фокусы показывает – и все от него в восторге.

Муж мой – он всегда такой был: восторг вызывал. Такая энергетика, данные такие. Во всякой компании он самый заметный. И фактура у него, и анекдоты рассказывает смешнее всех. И шутит, и фокусы эти...

Так вот он и тут всех заплел, захороводил, новые родственники веселились как дети, всем было хорошо – видно сразу. Даже явление «подруги» почти не изменило уютной и счастливой обстановки, которую умел создать и создал мой муж... Мой? Увы, уже нет.

Но не о том мне нужно было думать!

– Маришка, давай налегай, – хлопотала я возле своей соперницы, накладывая ей на тарелку угощений.

Вот говорят – те, кто оказывался в моей ситуации обманутой жены: убила бы своими руками! Ну нет, этого мне, конечно, не хотелось. Но когда я с демонстративной любовью и радостью в глазах смотрела то на него, то на нее, у меня так внутри все болело! Так и резало меня, и мучило. Скорей бы все это кончилось! Скорей бы завтра: уедут дети с родней, эти голубки отвалят – а я лягу, отвернусь к стене, и не трогайте меня. Но пока все себя взвинчивала, чтобы из веселой обоймы не выпасть, дочку не огорчить и не кинуть тень на «благополучную» семейку нашу.

Ах, как я была беззаботна и всем довольна! В смысле, как отчаянно я это изображала – о, я была молодец! И Сашенька мой (то есть наш теперь, наш, стало быть, с «подружкой» общий Сашенька) был в совершенном ударе. Он как-то очень быстро оправился от первого потрясения, когда Марина как ни в чем не бывало вошла в нашу кухню, сопровождаемая мной. И мне кажется, вся эта ситуация очень быстро стала ему даже нравиться. Или, может,

он тоже подстегивал себя, как и я (такой артистизм на грани истерики)? Не знаю. Человек он вообще-то уравновешенный.

А для меня все происходящее было чудовищным враньем. Меня тошнило и тошнило. У меня все болело, но я радовалась, что план мой явно срабатывает: питерцы определенно довольны семьей избранницы сына. А значит, у дочери моей – все хорошо.

Войдя в кухню, Марина как-то вдруг утратила свою воинственность, села довольно неловко за стол, и на лице ее, если вглядываться, можно было увидеть совсем не разлив дружеских чувств, не радость от счастливого события в любимом семействе близкой подружки, а что-то размытое – то ли досаду, то ли растерянность. Но никто не всматривался, скользнув дружелюбными взглядами, обратились снова всем своим вниманием к Саше. Он шутил не переставая и очень смешно, рассказывал уморительные анекдоты, привычно вовлекая в свою орбиту всех присутствующих и вызывая лавину веселья.

Света руководила ужином с не меньшим артистизмом, чем Саша дирижировал общим настроением. Она незаметно и ловко подавала на стол новые угощения, удивляя гостей кулинарными чудесами и успевая как бы предугадывать их желания. Так что очарованные родители жениха чувствовали себя в гостях решительно как на празднике жизни и вовсе не торопились уходить.

Единственным человеком здесь, которому не пировалось в этот вечер, была Марина. Нежданная гостья явно чувствовала себя не в своей тарелке. Будущие родственники наперебой хвалили «дивную пару» – Сашу и Свету, а Марина ерзала на месте и ожидала малейшего повода, когда уже можно будет наконец вскочить и под предлогом провожания увести отсюда своего мужчину в его новый дом, увести от такой странной и, возможно, хитрой соперницы, как-то так устроившей все, что получилось совсем не то, чего Марина для себя ждала. Отправляясь сюда, она рассчитывала на скандал, не очень-то понимая, впрочем, как должен выглядеть желательный для нее результат этого скандала. Точно Марина знала только то, что нужно вернуть свое и поставить на место эту зарвавшуюся бывшую.

Наконец новая родня засобиралась. Марина тут же вскочила, с кривоватой улыбкой прощаясь с хозяйкой.

– Я провожу! – воскликнул Александр с любезностью завязатого гостеприимца. Дети тоже оделись, чтобы довести питерских родителей до гостиницы. Все расцеловались, разобнимались – и, покинув Светлану, из последних сил имитирующую в прихожей радостное возбуждение, направились в разные стороны. Компания из пары провожаемых и пары провожающих, еще оглядываясь на ходу и размахивая приветственно руками, двинулась ловить такси до отеля; а пара как бы провожаемой с как бы провожающим, тоже активно машущим в ответ, повернула в сторону дома Марины.

Дальше все сложилось по Светиному плану: Таня с Владом скоро вернулись, но сразу шмыгнули в свою комнату, так что то, что Сашка остался ночевать у Марины, замечено не было. Все признаки развала семьи были скрыты. А Света, совершенно изнуренная вынужденным спектаклем, долго сидела в оцепенении на кухне, прежде чем заставила себя заняться уборкой и посудой. Легла она поздно, и сон к ней не шел. Она думала о Тане, о ее женихе, который ей в целом понравился. Думала о его родителях – хорошие вроде люди, интеллигентные... И только о Саше думать не могла, дурнота, вполне физическая дурнота подкатывала к горлу, едва Светины мысли касались блудного мужа, – и она от них отворачивалась к безопасным мыслям о дочери. Думать о свадьбе пока тоже не хотелось – Света чувствовала неизбежную связь этих размышлений с Сашей – и тоже уклонялась – авось успеется.

На другой день – и чего им только не ходится по музеям?! – новые родственники опять пришли к Марине. К тому моменту бывший муж уже тоже явился, слава богу, один.

И они опять посидели. И Саша со Светой снова сыграли спектакль, полный содержательного юмора, хлебосольства и очень правдоподобной душевности.

Я не знаю, как это все опять выдержала. Я точно была на пределе. Меня даже спросила будущая сватья – не заболела ли. И я отвечала ей, что так, голова, мол, немножко, пальцы к виску прижала для наглядности. Но просила ее внимания не обращать, у меня, дескать, это бывает. И мне сразу легче стало – можно же уже и похалтурить в имитировании этого нашего семейного счастья, – ведь голова все-таки, причина-то уважительная. Но несмотря на такое расслабление, гости наши, как стали прощаться, нахвалиться на нас не могли. И все приговаривали: ну до чего ж вы пара хорошая! Это про нас с Сашкой... «Какая же прекрасная пара, – не унималась сватья. И добавляла: – Дай бог, чтобы у наших детей все было вот точно так же» А я прямо дергалась от таких пожеланий и про себя шептала: «О, не дай бог! Только не это».

Гости наконец уехали. Саша топтался у двери.

– Ну... я пошел?

– Давай. – Света мечтала о той минуте, когда она останется одна. Прислонилась к стене, сил совсем не осталось.

– Светк... Ты какая-то бледная... Да нет, Свет, ты не бледная, ты зеленая... Света, что?!

Она сползла по стене, голова кружилась, в глазах темно. Кажется, болел живот. И тошнило. Она только теперь поняла, что тошнило ее со вчерашнего вечера постоянно. Просто почувствовать это как физическую неприятность не пришлось – слишком уж сильным было моральное насилие над собой, и тошнота казалась только признаком этих чрезмерных переживаний.

Саша звонил в «скорую». Кричал в трубу адрес, год рождения спутал... Нервничал, конечно. Она успела подумать, что давно он о ней не заботился. Но не ощутила ни капли удовлетворения от этого внезапного беспокойства за ее здоровье. Сознание ускользало...

Очнулась Света в машине «Скорой помощи».

– Как вы себя чувствуете? – спросил врач. – Вы меня слышите?

– Угу, – промычала Света в ответ. Отвечать более внятно было как-то лень. Она чувствовала себя тряпичной куклой.

– Что болит? – не отставал врач.

– Всё...

– Здесь больно?

– Угу.

В приемном покое ее не задержали, сразу анализ крови – и на операционный стол.

– Что там у меня? – спрашивала она у сестер, пока ей перед началом операции привязывали обычным порядком руки и ноги.

– Аппендицит, – дружелюбно кивнула сестра. – Сейчас доктор сделает укольчик, и все будет хорошо.

«Аппендицит... – успела вяло удивиться Света. – Неужели на нервной почве? Разве так бывает...»

– Ну что, проснулась, красавица?

Света разлепила глаза. И снова закрыла. «Танюшка... У Танюшки все хорошо... Встретили... Проводили... Будет свадьба...» – замигало в голове.

– Как вы себя чувствуете, Светлана? – настаивал врач. – Вы меня слышите?

– Да.

– Как самочувствие?

– Вроде... нормально.

– «Скорая» вас привезла вовремя. Еще бы чуть-чуть – и перитонит. Едва успели.

Живот-то давно болел?

– Он и не болел вовсе, – с трудом ворочая языком, промямлила Света.

– Ну все. Лежите отдыхайте, – врач похлопал рукой по одеялу и встал.

– Доктор, – позвала Света. – А бывает аппендицит на нервной почве?

– Аппендицит? Что-то новенькое. Но вообще-то – все в жизни бывает. А тем более на нервной почве.

– Серьезно?

– Если серьезно, то сильный или затяжной стресс в принципе может запустить любой дремавший процесс.

Света закрыла глаза и попыталась обдумать свое положение. При первой же попытке к горлу снова подкатила волна тошноты. «Почему это? – подумала. – Ах да, Саша... Меня тошнит от него? Неужели?»

– Доктор, – позвала она. – Меня тошнит вроде бы.

– Ничего. Сейчас это уже ничего, это от наркоза. Отдыхайте.

Она преодолела спазм. Лежала – размышляла. Ну, что делать? В самом деле, вполне обычная семейная картина. Ну ушел. Ну и ладно. Не это же главное. Главное – Танюшка... Танюшка уехала... Владик мальчик хороший, и родители милые. Вот и слава богу...

Но и мысли о Танюшке почти не задевали. «Буду спать, – решила Света, – устала».

Но когда, когда это все-таки началось? Теперь и не вспомнишь. Только не всегда я жила так убого. И не всегда себя чувствовала такой неудачницей. Было время – я была счастливой женой, матерью, хозяйкой в доме, нужной, любимой. А еще раньше, давно – была студенткой, отличницей, была любимицей, радовалась жизни и радовала глаз. И когда это стало меняться? Когда, когда это началось? Особенно мучает вопрос: где начало разрушения той жизни? И он мне важнее даже, чем *почему*. А может быть, это один и тот же вопрос – только по-разному упакован.

Нет, я не помню. Не могу вспомнить. Саша перестал смотреть на меня с любовью, да, пожалуй, и вовсе перестал смотреть, приходил домой отстраненный, хмурый... Постепенно мы почти прекратили разговаривать. Я терпела, пыталась делать вид, что все не так уж плохо, что перемены в отношениях с годами естественны. И вообще – это временно. Старалась быть приветливой, заботливой. Но его, кажется, все раздражало. Странно, что я все-таки не могу вспомнить, когда это началось... Не могу представить, как долго тянулось – месяцы? Годы? Два, может быть? Или больше? Неужели больше? Возможно, я так устала ждать, все время ждать в напряжении улучшения ситуации, что сама от себя скрывала, что жду уже давно – а все только хуже. Скрывала, что ждать мне, похоже, уже нечего.

И вот он все-таки ушел. А я осталась со своим одиночеством, с мыслями о Танюшке, о том, как ей все это объяснить, и о том, как мне жить и зачем. Танюшка... Нет, кажется, при ней еще не было... Она почти три года в Питере. Когда к нам наезжала, мне вообще не до того было – радость, хлопоты... Когда школу кончала, поступала?... Да нет, кажется, еще не тогда. Видимо, позже, когда уже дом наш без нее опустел. Может быть, Саша тогда это ощутил сильнее, чем я, и заметался? Может, он почувствовал себя вдруг уже не очень молодым – и бросился спасать положение? Ну и сразу нашел себе... Или не сразу. Но нашел... А я только ждала и надеялась. А как нужно было? Что я сделать-то могла?..

Ох, болит живот... Больно... Интересно, долго еще этот пузырь держать? Холодно от него. Но без него больнее. Совсем как моя жизнь последнее время. С Сашкой уже тоже было холодно. А ушел – и стало больно, куда больнее, чем с ним. Почему, когда я думаю о нем, – такая слабость и подташнивает как будто?

И зачем я вообще об этом думаю? Заставляю себя искать начало и причины разрыва. Вспоминаю о Саше... Зачем? Кто он мне теперь? Бывший муж – и только. Куда приятнее о Танюшке думать. Тем более что теперь хлопот будет много, свадьба. Ох, хлопоты... Тоже не хочу.

Вот Танюшиного звонка Саша почему-то совсем не ожидал. Ему и оттого уже было не по себе, что Света оказалась в больнице. А про объяснения с дочерью он даже думать не хотел – весь подобрался, когда увидел ее имя на дисплее телефона. «Черт, ну почему же Светка до сих пор ей не сказала... Э-э, ладно...»

– Да, Танюш, слушаю тебя.

– Папка, ну наконец-то! – закричала Таня. – Я уже не знаю, что и думать! Ни тебя, ни мамы, звоню утром, звоню днем, вечером. Мамин мобильный вовсе выключен! Что у вас там происходит?! Надеюсь, все нормально, где мамулик?

– Все уже нормально, Танюш, не кричи, пожалуйста, так. А то у меня в ухе свербит, – уверенно, своим весомым красивым голосом отвечал Саша. – Маме сделали операцию. Аппендицит. Не волнуйся. Все прошло нормально, она отдыхает, наверное, еще не включала телефон.

– Какой аппендицит! Мы ж вчера расстались! Днем она ни на что не жаловалась...

– Она и вечером ни на что не жаловалась. Просто отрубилась – и ее в бессознательном состоянии доставили в больницу, а там на операционный стол, – улыбаясь закончил Саша.

– Папик, но как же это... Да как она? Что врач говорит?

– Говорит, вовремя сделали. Еще немного – и плохо было бы. Но сейчас все нормально.

– Господи, папка, ну ты там за ней смотри! Бедная моя мамулечка... Скажи, чтоб телефон включила, буду ей звонить. А может, мне приехать?

– Танюш, не нужно тебе приезжать. Говорю же, все нормально. Она теперь пойдет на поправку. Ладно, давай там, будь умницей... Завтра поговорим, а то я как раз в больницу въезжаю... Все, Танюх, отбой. Пойду маму разыскивать.

– Пап, постой... – Танюшка замялась. – Папуль, я ж вас с масиком спросить хотела, как вам... Ну... мой Владюша, и вообще...

– Да все нормально, Танюш. Все. Давай. С матерью потом обсудишь, она, я думаю, поподробнее отчитается, а я побежал. Целую, дочь.

Он постарался скорее свернуть разговор. Его смущало, что Таня пока так и не знает правды об их со Светой новых отношениях. Точнее, о теперешнем отсутствии отношений между ними. Он опасался, что девочка начнет задавать неудобные вопросы. Саша действительно стремился *совсем* не общаться с бывшей женой – он хотел определенности.

Ушел – так ушел. Дочь – она всегда дочь. А жена бывшая – это только *бывшая* жена. Но объясняться с Таней он точно не планировал. Злился на Свету. На нее он вообще последнее время постоянно злился. Она цеплялась за него, не отпускала, несмотря на его твердое решение уйти. Он не собирался это обсуждать. А она цеплялась. Не то чтобы говорила что-то такое... Или вела себя как-то так... Но это цепляние ему мерещилось во всем: в ее взгляде, в интонациях, в нежелании поговорить об их разрыве с дочерью, даже в явной демонстрации того, что она его совсем не держит...

А может, Саша просто не мог признаться себе, что не Света, а он сам – его прошлое – не отпускает его.

Таня снова и снова набирала номер мамы и снова слышала, что аппарат абонента выключен или... Несмотря на свое одуряющее счастье, она чувствовала беспокойство. И разъяснения отца, сообщившего о маминой внезапной болезни и операции, мало ее успо-

коили. Она хотела поговорить с мамой. Мечтала развеять тревогу, вторгшуюся в ее так немислимо радостно складывающуюся жизнь. Мама должна была откликнуться. Должна была развеять все сомнения и подтвердить, что ее жених, ее Владюша – просто чудо. И что родители Владюши потрясающие, и у всех все хорошо, и будет еще лучше.

– Алё, – слабо отозвалась наконец на том конце мама.

– Мамусик мой, – заверещала Таня в радостном возбуждении. – Наконец-то! Мне уже папа сказал... Ну как же ты так?

– Да сама не пойму, Танюш, откуда что взялось.

– Ой, ну он сказал, что уже все плохое позади, да? Как ты себя чувствуешь?

– Да не пойму пока. Пока шовчик вроде болит. Но это нормально. А у вас там все хорошо? Как вы доехали?

– Домчались как на ракете! Мась, ну как тебе Владя, как родаки? Ой, ну до чего мне жаль, что ты заболела, я ведь думала, мы с тобой все это перетрем, – хихикнула Танюшка, думая только о хорошем.

– Да потрындим еще, доча, куда денется-то. – Света тоже улыбнулась. Ей приятно было думать, что у Тани такое замечательное настроение. – Владя – что ж! Хороший мальчик. Ты молодец... И родители очень милые... Так что все отлично, Танюша, все прекрасно.

– Мам, а они от вас тоже в восторге. Уже решили предложить вам летом вместе ехать отдыхать – веселее, дескать, будет. А? Ты как? Что сказать-то им?

– Танюш, ты только не расстраивайся... Ну, в смысле, ты пойми, что всякое в жизни... Ой, – Света вздохнула, собираясь с духом, но уже чувствуя, что иначе не получится – надо сознаваться: – Тата, мы с твоим папой расстались.

Таня молчала – то ли не поверила, то ли так была потрясена.

– То есть не то чтобы мы расстались... Ну, в общем, папа от меня ушел, – выпалила одним махом, – сказал, что любит другую женщину.

– Какую женщину? – тупо спросила Таня.

Света молчала.

– Мама, какую женщину? И вообще... Когда?! Мама! Мы виделись вчера утром, даже днем! Все было хорошо...

– Да не было все хорошо. Просто не хотели тебя расстраивать. Знаешь, ты ведь собиравась познакомиться, а мы тут вдруг будем... В общем, решили сделать вид, что все у нас нормально. А сейчас я вижу, что вечно скрывать все равно не получится. Ну и...

– Но мама... Это ж... Это же... Я просто не могу поверить! Да я с ним недавно разговаривала, и он мне ничего...

– Танюш, ну ты взрослый человек. Прими уже все как есть, раз так получилось. Ну бывает...

– Мама, но как же ты?

– А что я? Вот я как раз и приняла. Что ж теперь делать...

– Нет, мама, я поверить не могу! Мама, ты не представляешь, каково мне сейчас!

– Да представляю, доча, – вздохнула Света.

– Мама! Ты пойми, у меня же свадьба! Вы же... Они же... Ой, ну неужели ты не понимаешь?! – Таня разрыдалась.

– Танюш, успокойся. Ну что ж, лучше было бы, если бы я тебе на той неделе сказала, если бы вы приехали знакомиться уже в это разоренное гнездо, а? Ну так ведь нормально все прошло? – Света опять вздохнула, почувствовав новую усталость. – Танечка, не переживай. И не нужно сейчас ни с кем об этом говорить. Свадьбу справим – и хорошо. А там все само собой утрясется, вот увидишь.

Спокойные интонации матери немного умиротворили и Танюшку. Она вдруг вспомнила, что мама недавно отошла от наркоза, что у нее была операция, что маме, наверное, тяжело вот так говорить с ней о плохом, да еще ее утешать...

– Масик мой хороший, – всхлипывая, залепетала Таня тоненьким голоском. – Ты, главное, сама поправляйся, зайка моя пушистая. Я, как смогу – приеду к тебе. Даже и без Влади, наверное, вырвусь, – добавила неуверенно. – Ой, мамочка, ну как же это... – опять раскисла и заплакала дочка.

Тем временем Саша действительно заезжал в ворота больницы. Он хмурился и думал о Свете. Действительно, долгое время он оставался практически верным мужем. Ну да, при его всеми признанном обаянии и яркости возможности нарушать верность жене подворачивались на каждом шагу. Как все живое тянется к воде и свету, так женщины тянулись всегда к нему, словно к источнику, питающему их женственность. Где бы Саша ни появлялся, женщины реагировали на него дружным оживлением, и он, бывало, пускался во флирт – но всегда останавливался. Жену Саша любил, к семье относился серьезно, новый брак не планировал.

Но всему в жизни приходит конец. «Да, всему на свете приходит конец», – философски изрек он про себя, думая о том, как все у них со Светой изменилось. В голове мелькнул образ Марины – вульгарной, но пленительной. Вздорной, но так заводящей его. Теперь это было особенно важно. Он вспомнил, как они сидели с будущей родней за столом – слева от него Марина, справа Света. «Да-а, – усмехнулся, – Светка, конечно... дает... А молодец. Вообще... – опять усмехнулся. – Это что-то! Не ожидал...»

Припарковавшись, Саша медленно, глядя себе под ноги и в смутном настроении пошел к корпусу, разделся в гардеробе, купил тут же больничные бахилы, натянул эти синие пакеты на ботинки и отправился на шестой этаж, где, как сказали по телефону справочной, находилась Светина палата.

– ...Татка, ну-ка быстро перестань, прекрати, говорю тебе! Ну, Танюх, ну мне же тяжело. – Света так устала от этого разговора, что голос у нее совсем сник. – Но я же не плачу...

– Да, да, мамочка, прости, я больше не буду, – заторопилась Танюша, всхлипывая напоследок. – Все, все, мамулечка. Ты у меня такая молодец, что...

Саша вошел в палату.

– А вот и отец твой... Тань... пришел... – Света смотрела на него в недоумении. «Когда же я отдохну», – пронеслось в голове.

– Да, да, он мне говорил, – затараторила Танюша, – он как раз к тебе ехал. Мамусик, я все равно на лучшее надеюсь. Вы же пара, вы не просто так...

– Танечка, я спать хочу, давай попозже поговорим, малыш, ладно?

– Целую, целую, мамулечка! Пока.

Наконец-то раздалась гудки. Света уронила руку с трубкой. Саша подошел, взял телефон, положил на тумбочку.

– Как ты? – спросил скупно.

– Нормально. Спать хочу.

– Так спи.

– Все Тане сказала.

Он промолчал. «Хорошо», – подумал вяло. И почувствовал укол досады.

– Как она? – спросил после паузы.

Света шевельнула плечом и бровью – дескать, понятно как.

– Что тебе принести?

– Да ничего не нужно. Буду отдыхать...

– Завтра приду.

– Зачем?

– Не надо?

– Не надо.

– Ладно, я с врачом поговорю, узнаю, что тебе можно.

– Саша... зачем это? Ну я же в порядке.

– Была бы в порядке – сидела бы дома. А ты в больнице. Так что... ладно, отдыхай давай.

– Саша! Я серьезно. Ну зачем тебе сюда таскаться? У тебя теперь другая жизнь. Мы с тобой вот только дочку еще вместе замуж отдадим – и ты свободен. Поверь, у меня на тебя больше никаких видов нет, – она усмехнулась. – А сейчас я просто хочу отдохнуть. Меня мутит от наркоза. – («И от тебя», – подумала.) – Спасибо, что пришел, и что помочь хочешь, и беспокоишься. Спасибо – и до свидания. Иди домой, там тебя подружка моя ждет.

– Подождет.

– Она-то, может, и подождет (хотя вообще-то и не показалась мне такой уж смиренной терпеливицей). А я, Саш, уже ничего от тебя не жду. У тебя теперь другая жизнь. Вот и мне нужно привыкать к другой жизни. И ты мне мешаешь.

– Я, Свет, не собирался тебе мешать. А вот помогать, если все у нас будет по-человечески, собираюсь.

Он вышел. Света отвернулась и почувствовала наконец облегчение. Наконец-то она была предоставлена сама себе. И могла что-то обдумать. Могла, в конце концов, и не думать ни о чем. Главное – никого не видеть и ни с кем не говорить.

Я устала. Вот эта моя жизнь – да что она такое? Она ничто. И ничего я от нее больше не хочу. Хорошее-то было, и много хорошего – но когда оно было? Кажется, так давно! А теперь... Теперь я хочу только одного – чтоб меня не трогали. Устала. Ничего не надо. Вот и все, что я теперь чувствую.

Ближе к ночи опять позвонила Таня.

– Мамулик, ты как?

– Ничего, – вздохнула Света. – Что у тебя, доча?

– Мамочка, я Владюше все рассказала. Мы решили родаков пока не посвящать. А может, еще... ну все ведь бывает, мамочка... Может, и изменится ситуация к лучшему! Мам, а к кому он ушел-то? Ты хоть знаешь?

– Да какая, Тань, разница? К кому бы ни ушел – главное, что от меня. И хватит об этом.

– Ты что, не хочешь, чтобы он вернулся?

– Таня, я ж говорю, хватит. Как Владя-то реагировал?

– Жалел меня, сокрушался. Я поплакала, он так мне сочувствовал.

Света улыбнулась, радуясь за дочку.

– Мам, но папа... Он же не мог просто так тебя разлюбить. Ты же такая у меня классная! Ну просто возраст у него такой, вот и все. Владюша тоже так считает... Мама, они же все в этом возрасте с ума сходят, ну что ты, не понимаешь разве?

– Тата, ну ты-то откуда знаешь? – опять улыбнулась Света.

– Мамулечка, я ж не на Луне живу. Вот и у Милки отец ушел, и у Оксаны. Да все артисты в сорок лет кидаются новые семьи создавать, посмотри, что вокруг-то делается.

– Вот, кстати, Танюш, ты про такие случаи много слышишь, да? А про возвраты в старые семьи – а? Что-то не часто мужья возвращаются.

– Нет, бывает, бывает! – запротестовала Таня. – Вот этот, например... как его... господи, ну у меня от волнения все из головы вылетело... Ну не важно! Но наш-то папка – ведь он же сравнит, мася, ведь сравнит же, он же сам все увидит – и одумается. Вот увидишь! – горячо говорила дочь. – Я уверена. Уверене! Разве может быть по-другому? Ты же лучше всех! Ты лучше-лучше!

– Ну хорошо. Успокойся, Тат. Потом поговорим.

– Ой, мамочка, прости, опять я тебя!.. У тебя что-то болит? Как там все заживает, а? Нормально? Что доктор-то говорит?

– Все нормально, Танюш. Но я все время спать хочу, и болтать мне вот так пока тяжело.

– Все, все, мамусик, целую тебя. Завтра позвоню.

– Целую, доченька.

Таня нажала отбой. Секунду подумала и позвонила отцу.

– Да, Таня, слушаю.

Саша весь внутренне подобрался, ожидая от дочери нападения.

– Пап! – закричала Танюшка. – Ты что, с ума сошел?!

«Начинается», – мелькнуло у Саши.

– Тань, давай на полтона ниже.

Таня заплакала. И Саше стало совсем паршиво. Обычная уверенность изменила ему.

– Танюш, ну ты сама уже вот замуж выходишь... Ну что ты, не понимаешь, что в жизни все очень сложно бывает... очень запутанно...

– Пап, ну ты что же, – всхлипывала Таня, по-женски чувствуя, что нащупала отцовскую слабость, – ты уже не любишь мою маму, да? – и редела в голос.

– Да люблю я твою маму, – с тяжелой досадой отбивался отец. – Но это другое, понимаешь?

– Да что другое? Другое другим, а мама – это же ма-а-ама моя! – обливалась слезами Танюшка. – Ты что, не понимаешь, какая она у нас самая лу-учшая-а-а!

– Таня! – Саша наконец собрался. – Прекрати плакать и перестань лезть в наши с мамой дела!

– Ваши с мамой?! – взъерилась Танюшка. – Вашего с мамой ничего уже нет! И не будет, если ты свое сумасшествие не осознаешь и не примешь срочно меры!

– Тань, – устало откликнулся Саша, – не дави на меня, да? Как минимум это бессмысленно. Да и вредно. Представь, что тебя саму прессуют – много пользы будет? Вот и меня лечить не нужно, дочь. Хорошо? Мы сами разберемся.

– Папа, – снова всхлинула Таня, привычно подчиняясь отцовскому влиянию, – но как же мы теперь будем?

– Будем твою свадьбу готовить, Таня. А с нами – во-первых, все уже не так и важно. – Такая мысль, кстати, только что пришла в голову Саше и показалась ему странной, но уместной в разговоре с дочерью. – А во-вторых, Таня, мы, так же как и вы, имеем право на *личную* жизнь. Личную, Таня, понимаешь, то есть свою собственную, а не общественную, в которую кто угодно может вмешиваться, пусть даже очень близкий человек.

– Я понимаю, – она печально вздохнула. – Но мама...

– И с мамой все нормально будет. Займись собой, дочка, женихом своим. Ни я, ни мама от тебя никуда не делись. Поэтому все у тебя хорошо. Не создавай себе проблем. Займись своими приятными хлопотами. Давай вот лучше платье выбирай. Деньги я пришлю – можешь не экономить.

– Спасибо, папка, – с робкой радостью реагировала дочь.

Через десять дней Свету выписывали из больницы. Врач посоветовал ей уехать куда-нибудь отдохнуть.

– Знаете, – сказал, прощаясь, – все у вас нормально заживает, животик отличный, будет лучше, чем был, – не обошелся он без обычной хирургической шутки. – Но вот ваше настроение – это не норма. Для эндогенной депрессии я у вас оснований не вижу. И какие бы неприятности с нами ни случались – все проходит. Нужно это помнить с самого начала и стараться не принимать ничего близко к сердцу. А то мы душу рвем – а на выходе от этого кроме жертв и разрушений ничего и нет. Все проходит, ситуация меняется, и зачем все эти потрепанные нервы были – остается непонятным.

– Спасибо, доктор, – покривилась подобием улыбки Светлана. – Вы хорошо объясняете... Сама не знаю, почему я так раскисла.

– Попробуйте делать то, что вам хочется.

– Хорошо бы...

– Вот и идите у себя на поводу.

Таня снова покривилась:

– Тогда мне придется лежать лицом к стене – и больше я ничего не хочу. А нужно к свадьбе дочери готовиться.

– Прекрасно. Только постарайтесь заниматься исключительно тем, что вам в этой подготовке особенно приятно. А все более-менее трудные хлопоты доверьте вашим близким. Еще раз подчеркиваю: делайте то, что хотите.

– Да, в общем-то, ничего не хочу.

Доктор помолчал.

– Ваш муж о вас очень беспокоится, – начал он осторожно. – Он каждый день звонил, приезжал...

Света кивнула.

– Вы не хотите его посещений?

– Меня тошнит от него.

Врач молча смотрел на Свету. Она поспешила объяснить:

– Нет, я не то что... Не в переносном смысле. Меня на самом деле физически тошнит, даже когда я просто о нем вспоминаю. Как беременную, тошнит.

– У вас что-то произошло?

– Ну... Собственно, мы разошлись, но там еще была ситуация... для меня тяжелая...

– Понимаю. Ну тогда вам нужно обратиться к психологу. И не надо их бояться, они тоже люди, – опять пошутил врач. – Просто бывают такие нежелательные фиксации впечатлений. Если они недавние, это довольно легко снимается.

– Да ладно, пусть и тошнит. Постараюсь не думать – и все.

В палате ее ждал Саша. Свету опять замутило. В то же время она не видела его несколько дней – и снова отметила фактурную наружность мужа. «Сколько лет им люблюсь», – подумала некстати.

– Ты чего? – спросила тихо.

– За тобой.

– Ну зачем?

– Ладно, Свет, зачем да почему... Это все потом давай. Ты собралась? Все. У меня тоже времени нет на разговоры.

– Ну так мне и не нужно твое время. Саш, правда, я совершенно нормально доберусь сама. Тебе спасибо, но это лишнее. Тем более – в условиях дефицита времени, – не сдержалась она от легкого укола. Но раздражения Света не чувствовала, и в голосе его не было. Чувствовала она только легкую тошноту, как тогда, в те ужасные для нее выходные, перед операцией, когда ей пришлось принимать Сашину пассиву под видом своей подруги. Каза-

лось, тошнота того вечера, возможно вызванная приступом аппендицита, теперь навеки связалась в Светином сознании с ее уже фактически бывшим мужем.

– Ладно, – Саша вздохнул и поднял сумку. – Пошли, Свет. Я ж на чай-кофе не напрашиваюсь, могу даже с тобой не разговаривать в машине совсем. До дому доведу – и уеду. И... – он запнулся, – ты, Свет, из меня монстра не делай, я ж всем хорошего хочу, но... так уж жизнь расставила. Ну... прости меня, если очень виноват. Ну, я понимаю, конечно, что виноват. Так уж получилось... – Все это Саша говорил уже в лифте, договаривая, пока они шли к машине. Света молчала. Его слова ее как будто не касались. Она думала, что хорошо наконец выйти из больницы и дышать нежным воздухом парка. Хорошо идти по дорожке. И хорошо, что у дочки будет свадьба.

– Свадьба, – произнесла она вслух.

– М-м? – не понял Саша.

– Хорошо, – вдохнула поглубже Света.

– Ну и слава богу, – откликнулся Саша.

Дома Света обнаружила испорченные продукты – на столе, на плите и даже в холодильнике. В квартиру в ее отсутствие никто не заходил – все так и осталось брошенным, когда хозяйку без сознания выносили из дома в машину «Скорой помощи». Света принялась за уборку. Потом отправилась в магазин. Вернулась – стала по привычке готовить полный обед. «Для кого я? – подумала вдруг. – У меня и аппетита-то нет. Кто это есть будет?» Тут она снова почувствовала тошноту. «Видимо, мысль о Сашке где-то проскочила – вот и тошнит. Когда ж это пройдет?»

Света легла и попробовала строить планы на ближайшее будущее. В принципе, нужно придумать что-то с работой. Надо самой зарабатывать. У нее теперь другая жизнь... Нужно думать и о свадьбе. Созвониться с питерцами... Хорошо, что у Танюшки все сложилось. Можно теперь не беспокоиться... Теперь она и без матери, если что... Ничего не хочется. Да и смысла нет...

Так она провалялась до вечера, думая обо всем и не думая ни о чем. Ничто не вызвало желаний, ничто не помогало встряхнуться. Нет, ну правда, какой смысл... «В чем какой смысл? – пыталась структурировать поток сознания Света. – Раньше же был смысл – и сейчас... должен быть...»

Так тянулись дни, но смысл не приходил. Света видела, что жизнь ее дошла до полной исчерпанности. Их дороги с мужем и дочерью разошлись. Направо ушла Танина. А Сашина завернула налево. «Моя вперед, как и шла раньше... – думала она. – А там пустота. Поэтому Сашка и соскочил с нее. Налево у него новая жизнь. А моя старая кончилась без всяких перспектив».

– Свет, ты чего на звонки не отвечаешь? – Саша открыл квартиру своим ключом и прямо в ботинках прошел в комнату.

Света, лежа на диване, молча смотрела куда-то в направлении шкафа. С напряжением взглянула на вошедшего, и взгляд ее сразу слетел с его лица, равнодушно скользнул по ботинкам и опять устоялся в одну точку где-то на ковре.

– Я сплю, – тихо прошелестела, хотя по воспаленным глазам было видно, что спать ей давно не приходилось.

– Ну что, целыми днями, что ли, спишь? – В Сашином вопросе смешались досада и сочувствие. – Свет, ну ты хоть ешь что-нибудь?

– Ем.

– Что?

– Еду.

Саша отправился на кухню. Раньше всегда полный продуктов, холодильник печально взглянул на Сашу своими непривычными пустотами. В контейнерах залежались какие-то остатки – кажется, масла, вроде бы сыра, как будто вареного риса... Ни кастрюль, ни сковородок на плите. Он ужаснулся: для Светы прежней это все было немислимим. Раньше еда в доме не переводилась. Света готовила быстро, вкусно и изобильно. Аппетитные запахи не покидали дом. Теперь Саша не узнавал этого дома, этой кухни, осиротевшей без хозяйки.

– Свет, – он вернулся в комнату. – Что-то болит?

– Нет, – с трудом выдавила Светлана.

– А что ж тогда лежишь?

– Просто.

– Ну что просто! Ты бы супчик себе сварила.

– А смысл?

Он улыбнулся, присев на диван:

– Ну какой тебе смысл? Сварила – и съела.

– Ну съела. И что?

– Сразу силы появятся.

– И куда их?

– Опять что-нибудь пригостишь.

Света криво улыбнулась. Саша погладил ее по ноге поверх халата.

– Светк, ну а раньше-то смысл был?

Свету снова затошнило, как теперь нередко бывало, когда она думала о Саше или говорила с ним. Она повернулась на спину, игнорируя его неожиданную ласку.

– Вроде бы.

– Ну вот.

– Когда это было!

– Свет, так нельзя.

Она опять отвернулась.

– Тебе что-нибудь привезти?

– В смысле?

– Вкусного.

– Н-нет. Ты иди, Саш. Ну что ты со мной время теряешь. Мне это не нужно. А тебе и подавно.

– Почему? Мне это нужно. Ты вообще меня, Свет, пугаешь. Ты так изменилась.

– Да... Что-то надорвалось. Ничего не хочу... Ничего не надо.

– Давай так договоримся...

– Саш! Давай никак не договариваться. – Она поджала ноги в носках, стараясь не задеть его, села на диване. – Ну сам посуди: какой у нас может быть уговор? У тебя свое – у меня свое. Я и твоей обещала, что на тебя больше не посягну. – Саша поморщился, а Светина тошнота усилилась, но она сглотнула и продолжила: – Иди, Саш, домой. А я полежу – и встану. Пусть тебя это больше не волнует.

– Хорошо. – Он вздохнул. – Но ты хоть про дочь не забывай. Я думал, мы с тобой насчет свадьбы... Ладно. Потом поговорим.

Вечером он приехал с фруктами, привез сыру, хлеба, сливок, кофе, еще чего-то съедобного. Позвонил в дверь. Света открыла.

– Что делаешь? – он спросил.

– Кашу варю, – ответила она бесцветно.

– Молодец! – оживился Саша. – Я вот тут тебе закусочек привез. Ты бы вина, что ли, выпила – ты ж любишь сухое. Не повредит. Встряхнешься.

– Спасибо.

– И... вот тут еще... деньги.

– Спасибо.

Света смотрела в пол. Она старалась унять тошноту.

– Буду приносить каждый месяц.

– У меня же счет в банке. Спасибо тебе... Вообще-то я на работу надеюсь устроиться.

– Это как хочешь. Может, и не нужно тебе... Свет, мне это не трудно. И потом, оно ведь все естественно.

Света молчала.

– Ты мне не чужая. И уже не будешь чужой.

– Спасибо... Я себя неважно чувствую.

– Да? Я-то хотел насчет Тани...

– Да-да. И что?

– Ну свадьба. Все эти дела... А с тобой-то что?

– Просто... слабость...

– Так тебе в больницу нужно! Может, что-то не так после операции. Давай сейчас съез-
дим.

– Я была в больнице. Все нормально у меня. Просто слабость. Ничего особенного.
Настроение... Все пройдет, не беспокойся, поезжай домой.

– Да что ты меня... Все домой, домой! Я приехал о Тане поговорить.

– Да, конечно. Я тебя слушаю.

– Ты собираешься помочь Танюхе с платьем? Она мне говорила, что рассчитывает
на тебя. Что ты к ней приедешь, и вы сходите вместе в салоны.

– Ну чем я ей могу... Да нет, съезжу, конечно. Если она хочет.

– Так и готовься к поездке. Деньги я привезу – и на платье, и на все. А с питерцами
сам обо всем договорюсь, что касается организации. Подумай, когда поедешь к дочери...
Да-а... Ну... Я тогда пойду.

– Угу, – кивнула Света. «Хоть бы скорее уже эта тошнота прошла. Ну что за горе...» –
подумала.

Назавтра Саша звонил два раза. Бодрил Свету и заводил разговоры о Танюшке. После-
завтра – снова явился с продуктами. Света опять варила кашу. И почти все время валялась
на диване – чувствуя только тошноту, безнадежную вялость и мутную пустоту в голове.
Она понимала, что у нее депрессия. Саша настаивал на необходимости встряхнуться. Но она
не хотела встряхиваться, все в общем казалось бессмысленным.

Дверной звонок разрывался от терзаний. Света, по обыкновению последних дней
лежавшая на диване, кряхтя, сползла со своего ложа и поплелась открывать.

В образовавшийся проем вломилась разъяренная «подруга».

– Ну ты что, совсем, что ли, обнаглела?! – завопила она, едва показавшись.

Света поморщилась. Покоробил резкий звук и густой запах духов.

– Что надо? – спросила она, равнодушно глядя в пол.

Марина полыхнула глазами и остановилась, испытывая одновременно бешенство
и растерянность.

– Чего ты от него хочешь?! – снова заистерила она. – Чего ты к нему прилипла?!
Он не хочет тебя, не хочет – понимаешь?! Какого черта ты путаешься и путаешься у нас
под ногами?!

– Марин, – вздохнула Света. – Не кричи, а? Ты все равно не внятна, я тебя не понимаю.
Если хочешь – объяснись конкретнее, а нет – иди отсюда, мне не до тебя.

– Все ты понимаешь, – сказал Марина, опускаясь на банкетку в прихожей. – Ты Сашу дергаешь, он из-за тебя стал угрюмым, раздражительным... Отстань уже от него, Свет, отстань! На фига он сюда таскается...

– Вот и я думаю – на фига? – перебила Светлана.

– Да потому что ты дергаешь его по всякому поводу! Я как ни спрошу: куда? – отвечает: к Свете насчет Тани. Ну как ты не понимаешь, что ты его дочерью не удержишь!

Света молчала. Она желала только, чтобы Марина ушла, и ждала этого, как обычно в последнее время, ничего не предпринимая.

– Свет... – Марина вдруг сбавила тон. – А может, тебя познакомить с кем?

– С кем? – тупо спросила Света.

– С мужиком приличным. У меня полно знакомых, а ты баба нормальная... Давай! А Сашка мой! Мой! Ты это просто учти.

Света опять вздохнула. Беседа казалась ей бессмысленной и невыносимой.

– Марин, иди с богом. Саше я не звоню, он приходит по собственной инициативе – с ним и разбирайся.

– Да че ты гонишь! – Марина легко опять перешла на крик. – Он же сам не свой, мрачный ходит, как... как не знаю что. А все потому что ты ему плешь проедаешь!

– Ты плохо слышишь? Я тебе сказала – не звоню ему! Вообще! Объясняйся с ним сама, а меня оставь в покое. Меня теперь его настроение не интересует.

– Смотри. Я тебя предупредила. У меня в ногах не путайся – раздавлю.

С этим посулом она покинула Светин дом, и та поплелась опять на свой диван.

На другой день явился Саша. Опять начал что-то рассказывать про переговоры с новой питерской родней – Света слушала рассеянно, стараясь на него не смотреть. Боялась, что снова накатит эта странная тошнота, которая стала появляться у нее в присутствии мужа. Прятала глаза, не вслушивалась. Но все равно заметила, что Саше как будто и нечего сказать. Словно он тянет время. Словно пришел за чем-то другим, но говорить о цели своего визита или не хочет, или не может...

И на следующий день он пришел – принес продукты. Пересказал разговоры с дочерью. Ничего особенного. Опять тянул время – похоже, не хотел уходить. Света думала о том, что вот он сейчас уйдет и она наконец ляжет... полежит... Но Саша все не уходил.

– Ну когда ты соберешься в Питер? – пытался ее растормошить. – Платье же пора покупать. Может, заказать что-то придется. Свет, ты б не тянула с этим.

– Да, да... Скоро... Ну, сейчас просто... Ну не знаю...

– Свет, а ты по мне скучаешь? – вдруг спросил Саша.

Света пошевелила плечом, скривила губы в растерянной улыбке.

– Н-нет... привыкла... Да мне не до того совсем.

– Это как, Свет? А до чего тебе?

– Ну... у меня сил совсем нет... желаний нет и сил. Ну как я могу скучать – у меня все пусто... Я пустая.

– Свет...

– М-м?

– Ну что ж ты так расклеилась-то? Ну так нельзя. Давай как-то выбираться, давай делать что-то.

– А что?

– Ну я не знаю... Ты подумай, чего бы тебе хотелось. Я со своей стороны готов соответствовать. Ну чего ты хочешь?

– Полежать.

– Свет, сколько можно лежать?

– Не знаю... Сил нет.

– Ты плохо питаешься. Иди давай поешь, я там принес. Вообще, когда ты начнешь готовить?! Ну ты посмотри, что на кухне творится! Давай, встряхнись. Я завтра приду – выйдем погуляем.

Она кивнула, ободренная этим его словом – «завтра». «Это еще когда будет! – подумала с облегчением. – А сейчас он зато уйдет, и я лягу».

Наконец за Сашей закрылась дверь. И Света побрела в комнату. Она легла и закрыла глаза. Лежала, не думая ни о чем. Собственные веки казались обжигающими изнутри, воспаленными, и заснуть не было возможности. Но вставать, как всегда, не хотелось. Она лежала с тяжелой головой, без мыслей. Ей казалось, что все мысли и чувства вытеснил из сознания тяжелый плотный черный дым. Она лежала – но не спала. И не отдыхала. Просто сохраняла неподвижность, потому что двигаться было еще тяжелее, еще невыносимее.

Зазвонил мобильный. На дисплее появилось Танюшкино улыбающееся личико. «Доча», – подумала Света без радости.

– Мамочка! – Таня в трубку рыдала, прерывая мокрые всхлипывания невнятными словами.

– Доченька! – впервые за последние долгие дни Света почувствовала, что ее захватила более-менее яркая эмоция. – Танечка, зайнька, что случилось?!

– Мамочка, – плакала, Танюша, – я... у меня... мамочка, у меня беда! У меня такой ужас...

Свету охватила настоящая тревога, заболело сердце. Она постаралась взять себя в руки и хоть немного успокоить Таню.

– Танечка, не плачь, маленький, давай вытри слезы и постарайся рассказать мне, что произошло. Что бы ни было – все поправимо, – твердо произнесла она, совершенно не веря в сказанное. – Ну будет, дочка, давай, соберись и говори – будем вместе думать, что делать.

Таня всхлипнула, уже успокаиваясь.

– Мам, я беременна, – прозвучал дрожащий вздох.

Света замерла на мгновение. Потом осторожно откликнулась:

– Ты беременна... Ага... И... Что-то еще? Влад не хочет?..

– Мама! Он хочет! Но я! Это же кошмар! Это рано! Я не понимаю, почему так вышло, мы предохранялись, и вообще... – Она опять заплакала горько.

– Доченька, да что ж в этом плохого? – Света облегченно перевела дух. – Ну беременна, ну малыш родится, ты замуж собираешься...

– Вот именно, мама! Замуж – это же свадьба. Это праздник! А беременность – все равно что болезнь. А я не хочу праздновать свою свадьбу больно-ой! – опять зарыдала Таня.

А Света засмеялась. Прямо захохотала. Впервые за долгие-долгие дни. Отсмеявшись, она сказала:

– Танюш, ну ты прости, что я так реагирую. Ну правда, ты у меня такая дурочка!

– Мамулечка, но я же не хочу быть некрасивой невестой, а вдруг пятна на лице, талию разнесет... А как же мы с тобой платье...

– Тата, – Света опять давилась от непривычного радостного смеха. – Ну ты же моя дочь! А у меня ничего не было видно почти до седьмого месяца. И у тебя не будет, не расстраивайся. Все будет хорошо, это уж точно тебе говорю. – На этот раз Света не сомневалась.

– Но, понимаешь, мамочка, я просто не готова, – вздохнула Таня печально.

– Ну-у, мой хороший! Подготовишься еще, пока носить будешь. Все у нас будет отлично, вот увидишь. И две бабушки у него, и два дедушки, и родители у него красивые, молодые...

– Может, у нее.

– Конечно! Все равно, Танечка. Так что ты прекращай плакать и начинай радоваться.

– Но как же, мамуль...

– Доча! Ну все так хорошо, что даже еще лучше, чем мы думали! Точно говорю.

Таня вздохнула.

– Ну ладно, мам... Раз ты так считаешь.

– Да конечно же, Тата!

– Ну да... Хотя мне как-то так не по себе. Просто, понимаешь, я не готова. Ну... рано очень, понимаешь? Я ж думала – у нас вот свадьба будет, я там такая красивая, потом отдыхать поедем, потом для себя поживем, столько возможностей... А тут живот... и вообще.

– Ой, Татка, в этом во всем как минимум столько же плюсов, как и минусов. А я-то вообще думаю – плюсов намного больше. И ты их обязательно оценишь, вот увидишь.

– Ну ладно, – опять вздохнула Танюшка. – Буду ждать хорошего. Ты-то мне поможешь?

– Господи, – рассмеялась Света. – Ну а как же ты думаешь! Да я счастлива, что у меня скоро внук будет! И давай, кончай нервничать – тебе теперь нельзя...

Света отключила связь. И снова засмеялась. Она смеялась первый раз за много-много дней, и смех ее не был ни нервным, ни истеричным, а был радостным. Ей просто вдруг и совершенно полегчало.

Света встала с дивана, пошла на кухню и, не переставая посмеиваться, принялась готовить обед.

Из пункта А в пункт Б...

Лето уже подбиралось к августу, а Оля все еще не успела осознать его вожденную прелесть. Вот если бы поехать куда-нибудь, отдохнуть... Но на это рассчитывать не приходилось. И главное, то и дело сочились, а порой даже бурно изливались дожди. Просыпаясь по утрам, она видела небо снова мрачным, наступление *настоящего* лета опять откладывалось, и настроение почти неизменно держалось на нуле. Что-то случилось, что-то сломалось в душе, а она и не заметила этого момента, не услышала щелчка, не поняла причины.

Еще недавно казалось, что все лучшее впереди: в свое время – разумеется, в недалеком будущем – начнется жизнь действительная, полная сюрпризов и головокружительных достижений. И потому неудачи Оля всегда принимала в общем-то спокойно.

Легко рассталась с мужем, не собираясь тащить в неизбежно прекрасное будущее груз предварительных ошибок. Без особых раздумий сошлась с человеком, имевшим репутацию неисправимого ходока и авантюриста; и было не жалко расточать себя в ежедневных мелочных битвах – ведь это пока!.. Автоторожный институт закончила с легким отвращением, но ей представлялось, что и нелюбимая профессия – дело временное. Работу меняла без затруднений, не заботясь о карьере... А сколько увлечений забросила! Все было точно начерно, в ожидании пока смутного, но обязательного счастья.

И вдруг оказалось – Оля неожиданно почувствовала это, – что жизнь, собственно, давно началась и полным ходом мчит ее через зрелость к старости, а законное ослепительное счастье все не воцаряется. Оказалось, что время-то движется по прямой, неумолимо увеличивая возраст, а линия собственной жизни, с ее достижениями, нарезая бессмысленные петли, а то и сонно топчась на месте, совершенно безнадежно отстает.

И стоило это заметить, как нажитые неприятности, проблемы, болезни показались непоправимыми, неразрешимыми, неизлечимыми, а успехи – ничтожными. Но когда именно пришло такое убийственное осознание и по какому поводу, Ольга не могла припомнить.

А ведь совсем еще недавно... Школа, выпускной класс, она – хорошенькая, одаренная способностями, веселая... И вот двадцать лет минуло, как не бывало! Да куда же девается все лучшее? И почему это сначала блага достаются как бы бесплатно, а потом оказывается, что за все нужно платить?.. Она давно не чувствовала в себе исключительности, так веселившейся в юности. И случайного мужского внимания уже не объясняла романтическими причинами: все оказывалось буднично-просто и скучно, без праздника и загадки.

«Интересно, а как он сейчас выглядит? – думала Оля про Сашу Пшеницына, автоматически двигаясь с работы домой. – Судя по всему, мужик в порядке. Надо же... В школе был просто шутком. Маленький такой, круглолицый... И какие-то там еще чувства! С ним это абсолютно не вязалось. Как все странно...» – заключила она, склонив голову набок, улыбаясь и по-прежнему, по-тогдашнему, сияя глазами.

Она не ошиблась. Саша действительно был в полном порядке: стал военным, как отец, делал карьеру, обрастал имуществом. С детства понял, что не нужно ничего выдумывать: все уже выдумано. Ведь это просто, как в математической задачке: из пункта А в пункт Б вышел человек. Ну, вышел – и иди себе в пункт Б бодрым шагом! А сворачивать туда-сюда – только время потеряешь... Нет, в карьере Пшеницына-младшего все разыгрывалось как по нотам.

Родители даже выбор супруги для сына не пустили на самотек: заранее высватали ему в жены дочь дяди Гоши – отцова сослуживца, друга и старшего по званию. Нареченных, которым было тогда лет по пять-семь, посадили рядком, весело поздравили, и закрепили сговор добрым возлиянием. Сидя за столом в день «помолвки», Сашка от души ущипнул свою суженную, а Света с чувством укусила жениха. Но за годы, прошедшие до свадьбы,

им успели разъяснить преимущества этого брака. Зато уж и тесть не подвел, маршрут зятю проложил надежный: заграница, академия, генштаб... Звания не задерживаются, в должности не обходят, благами не обносят. И семья в порядке: жена упакована, два сына зреют, теща довольна.

«А интересно, как она сейчас выглядит, – думал Саша, осторожно выезжая из гущи машин со служебной парковки. – Понаставили тут... – автомобиль плавно вырuling на дорогу, развернулся. – Нет, раньше такого бардака не наблюдалось: тесно, как на кладбище». Он включил магнитолу; привычный музыкально-говорильный фон привел в порядок мысли. «Да... не могу представить ее другой! А должно быть, изменилась, все же двадцать лет прошло... Что там Светка-то просила купить?.. А голос у нее прежний, – подумал снова об Оле. – Звонкий, насмешливый. Ох, и язва ж была, прости господи! Артистка... Удивилась вот, что я полковник... То ли еще будет», – он улыбнулся: ему приятно было ее удивление.

Как безнадежно он любил ее в школе! Никаких шансов – не то, что на взаимность – хоть на крошечный интерес. Точно его, Саши, и не было вовсе. Но он таки существовал! Она должна была заметить! И что ему оставалось? Шутом – так шутом. Очередная дурацкая выходка, общий смех – и внимание Ольги на пару минут обеспечено.

Саша строил глупейшие рожи, с грохотом падал на ровном месте, имитировал внезапный сон на уроке: сладко всхрапывал, валясь головой на парту. Однажды принес в классдохлую мышь... Раз «оживлял», дергая за сухожилие, выставленную из-под парты куриную лапу; лапа хватала воздух желтыми сморщенными пальцами, вызывая хохот одноклассников и ужас учителей... Но устойчивого интереса со стороны Оли ему так и не перепало.

И вот, спустя двадцать лет, он впервые внимал ее радостному возбуждению, удивленно прижимаясь ухом к телефонной трубке, и ликовал про себя, точно им все еще было по семнадцать. Стало быть, не зря же взялся организовать эту встречу одноклассников, не зря стал разыскивать ребят!.. Он весело напомнил ей, как страдал в десятом, а она словно удивилась и отнекивалась, но, в общем, была благосклонна. И домой с работы Саша пришел в особенно хорошем настроении, а садясь за ужин, в который раз сам с собой соглашался, что это здорово, когда живешь по четкому плану – даже невозможное становится достижимым!

Он принялся звонить ей каждый день, совещаясь о намеченном мероприятии, и постепенно начал испытывать знакомую робость... Наконец состоялась долгожданная встреча их выпуска. И, хотя Ольга действительно изменилась и располнела, Саша застыл благоговейно, едва только ищущий взгляд его наткнулся в толпе на бывшую возлюбленную. Подумал, что глаза-то у нее блестят по-прежнему.

Одноклассники наперебой благодарили Пшеницына за общественно-полезную активность, восторгались изобретательностью и неутомимостью, проявленными в поисках товарищей. Сам Пшеницын лез из кожи вон, стараясь произвести впечатление («Реванш», – формулировал еще дома, нежно поглаживая полковничьи погоны). Но в то же время ловил себя на мысли, что если бы *она* ушла, куда-нибудь исчезла, то вся эта возня с реваншем мгновенно потеряла бы для него смысл.

На другой день снова ей позвонил. Вроде для обсуждения вчерашнего. Потом решил – заговорил о свидании, пригласил в гости. О боже! Как она это примет? Как примет...

Откуда ему было знать, что Оля давно ожидала от него хоть какой-то инициативы. И жизнь приучила однозначно понимать подобные приглашения: «Ну и слава богу, – решила удовлетворенно, – дозрел-таки до интима». Что ж? Она свободна, устала от неустроенности – почему нет? Это раньше сказала бы, не задумываясь, что Сашка не в ее вкусе. О, все это было раньше, когда-то... А теперь она спрашивала себя: ну а кто в твоём вкусе, радость моя? Коля Юзов? Так поздравляю: спился твой Коля окончательно, даже на встречу с одноклассниками не явился.

Да уж, с годами смазливость, и лихость, и хамоватая бойкость утратили прежнюю привлекательность. Теперь она жаждала стабильности и покоя, которых не было в ее жизни и которые излучал Пшеницын. От максимализма не осталось следа. В ее отношении к мужчинам бесменно поселилась снисходительность.

А Саша был счастлив. *Она* посвятит ему целый вечер! И может быть... Но воображение дальше идти не отваживалось. Он не очень себе представлял, как можно было бы соблазнить Олю. Хорошо бы, конечно, но... Нет! Не приведи бог обидеть ее и все испортить!

...Он суетился у стола, она рассматривала альбом. Перелистывала страницы и надеялась прозреть на фотках признаки скрытого семейного неблагополучия. Но с фотографий рядом с Сашей смотрела женщина, довольная жизнью и собой. Глядя на нее, Оля напрягалась, отчаянно стараясь придать лицу выражение равнодушной иронии... Вот здесь его мадам выглядит такой толстой и старой... А здесь они оба имеют недовольный вид... А вот тут лицо у нее глупое, и он смотрит на жену, скосив глаза: ничего хорошего не обещает этот взгляд.

Ах, она понимала, что невозможно создать прочного самоуважения, коллекционируя минусы ближних! И не нужно сравнивать себя с другими, не нужно... Она знала это, знала, но... Снова и снова привычное малодушие не избалованной счастьем женщины заставляло черпать душноватое утешение в чужих неудачах и промахах. Оля добросовестно отыскивала недостатки в наружности Сашиной жены, старалась уловить в выражениях лиц какие-нибудь свидетельства не сложившегося брака.

Сашка хлопотал у стола, а она все ждала, когда он начнет приставать. Но он не приставал.

– Ялта, – комментировал Саша, на бегу заглядывая в альбом. – А это на даче в прошлом году... Опять в Ялте... На юбилее у тещи... Снова Ялта...

Сели ужинать. «Или я ему совсем не нравлюсь? – растеряно думала Оля. – Тогда зачем приглашал? А может, смущается? Ладно, выпьет – разойдется...»

Вино подействовало на обоих. Оле позволило освоиться, перестать напряженно ожидать сближения; Саше помогло расслабиться и добавило находчивости в разговоре. Хорошо было сидеть вдвоем, в романтическом свете настольной лампы, погружаясь в казавшееся теперь сплошь трогательным школьное прошлое.

– ...Сколько слез из-за тебя пролил, – говорил он, – ужасно вспомнить.

– Да что ты! – она округляла глаза. – Вот уж никогда бы не подумала! – У нее теплело на душе. Двадцать лет назад его признание лишь слегка пощекотало бы самолюбие, пресыщенное многочисленными женскими успехами; сейчас оно было бесценным.

– Часами сидел на детской карусели во дворе, смотрел на твои окна. В них зажигался свет, кто-то ходил в глубине комнаты...

– Но почему я ничего не знала? – спрашивала она мягко.

– А как бы ты отнеслась?

Оля смутилась и улыбнулась.

– Потому и не знала, – попытожил Саша. – Если б надежда была, я бы пытался ухаживать. Но ты смотрела в другие стороны.

– Да... Глупые были... – Оля снова улыбнулась благодарно. – Как сейчас-то живешь? Счастлив? – спросила, смутно надеясь, что в ответ он махнет рукой, даст понять, что жизнь без нее не сложилась.

– Нормально, – сказал Пшеницын и удовлетворенно обвел глазами семейное гнездышко. Во взгляде появилась горделивая самоуверенность, которую она заметила еще на школьной встрече. – Сама видишь: ничем не обижен. Полковника получил раньше других, должность – дай бог всякому. Нормально, в общем.

– А почему... на фото сплошная Ялта? – спросила она, подавив разочарование.

– Так мы там каждый год отдыхаем в июле.

– Каждый год! – воскликнула Ольга. – И всегда в июле?! Не надоело? – Она не была вполне искренней: самой-то не часто удавалось бывать на море. Лет пять-шесть уже совсем никуда не ездила, как-то не получалось. А другие вот, значит, каждый год...

– Почему надоело? – удивился Пшеницын. – Наоборот! Очень удобно, никаких хлопот. Ведомственный санаторий, отличное обслуживание. У меня и батя с матерью всю жизнь там... Нет, ты зря.

– Послушай, но как это можно так жить, когда все расписано? – завелась она, неожиданно даже для себя. – Все предсказуемо, как в гороскопе: с одной и той же бабой, в одно и то же место... и время... Ты извини, конечно, но все так... убого!

Он помолчал.

– Да? – спросил, как бы раздумывая. – А что плохого?

– Что? Да скучно! – бросила Ольга, еще глубже проникаясь сознанием собственной правоты. – Я б от такой жизни удавилась.

– И-эх, – Саша вздохнул после паузы, – а я вот не удавился. – Он смотрел на нее виновато и растеряно, точно просто не знал, что нужно было удавиться, а то бы обязательно.

Она с облегчением рассмеялась.

– Сань, ну как же оно все-таки – жить по регламенту? – спросила миролюбиво. – Вот женили тебя, даже погулять не дали...

– Да это все наверстывается потом, – вставил Пшеницын.

Оля вскинула брови, но продолжила.

– Ну, допустим... И все же. Женили, на ком хотели, не спросили, профессию выбрали, карьеру сделали... Да еще и работа такая – все время под козырек бери. Как ты так живешь?

– Как живу? Хорошо живу. Все есть. А будет еще больше, потому что... Потому что надо уметь жить! Вот у меня заранее все спланировано и никаких уклонов в стороны. А в жизни, Оль, – как в математике с физикой: есть условный путь – прямая, и есть траектория – ломаная. Есть кратчайшее расстояние: от задуманного – до реализации, от точки А до точки Б, а есть реальный маршрут, со всеми поворотами и заминками. Понимаешь? Вот – цель, а вот тебе дорога к цели. Чем она прямее, тем лучше... Понимаешь? Есть задуманный путь – а есть сама жизнь, как она сложилась от старта до финиша, та самая траектория, – увлеченно втолковывал Саша. – И чем она ближе к кратчайшему пути – тем правильнее жизнь сложилась. Она, конечно, ломаная, но чем в целом прямее – тем вернее ты идешь к цели. А то вот иной намечает себе разного – а живет как попало. По-дурацки живет, все время мимо, мимо собственных планов. А у меня, Оль, линия цели и линия жизни практически совпадают. Понимаешь?

Она молчала. Он еще пояснил:

– Я живу так, как хочу. Как собирался жить – так и живу.

– Да разве ты собирался-то? Все ведь знают, что тебе папа с мамой нашаманили – все, вплоть до невесты!

– Ну, это безразлично: родители детям плохого не пожелают.

– И что, – задумчиво спрашивала Ольга, – хочешь сказать, что твоя жизнь... траектория эта твоя – удалась?

– В общем, да. Потому что с прямой дорогой к цели совпадает.

Оля попыталась углубиться в размышления, даже брови свела на переносице. Но думать не хотелось. Она встряхнула головой.

– Так, а что ты там говоришь про прямую? – уточнила машинально.

– Прямая? Ну, каждый к чему-то стремится. Хотя бы приблизительно представляет себе, как должно все сложиться. Вот тебе пункт Б – цель. Когда мы ее намечаем, мы нахо-

димся в пункте А. Допустим, я всегда знал, что буду генералом. Вот тебе от меня, тогдашнего пацана, до генерала условный путь – прямая АБ. А жить при этом, в принципе, можно и с большими отклонениями. Даже и в совершенно другом направлении двигаться, многие так живут. Только это не для меня. Я иду верной и короткой дорогой. Да и цели у меня реальные... Чем плохо-то, Оля?

– Да-а... – уныло промолвила Оля, разомлевшая от вина. – А я вот не иду.

Сашина мысль явилась ей в виде большого тяжелого ядра, совсем круглой, и именно оттого почему-то чрезвычайно убедительной. Конечно, она тоже может намечтать себе всякого, и даже всегда этим занималась, но при чем здесь реальная жизнь? Жизнь-то все равно складывается как-то сама собой, от мечтаний совершенно отдельно...

Они помолчали.

– У меня так не получается, – вздохнула Ольга. – Я просто живу. Я – воздушный шарик, меня ветром носит.

Саша не знал, что ответить. Собственное мироощущение представлялось естественным и бесспорным. Экзистенциальные сомнения его никогда не посещали. А образ воздушного шарика выглядел искусственным, не имеющим смысла.

Он подумал и включил магнитофон.

«Надо его ободрить», – решила Ольга, вспомнив об ожидаемом приставании.

– Потанцуем? – улыбнулась призывно.

– Есть! – реагировал полковник, поправив галстук.

Однако и в танце он не позволил себе лишнего и обнимал Ольгу не более интимно, чем древко знамени на плацу...

Было поздно. Пшеницын так и не оправдал некоторых сокровенных ожиданий, но Оля все равно осталась довольна: особое женское чутье подсказывало ей, что Сашина детская любовь не прошла, – и она была благодарна.

– Мне пора, – сказала, вздыхая. – Я пойду.

Саша заерзал на месте, встал и снова сел.

– Подожди... Давай выпьем, – предложил, чтобы что-нибудь предложить. – Послушай, тебе обязательно ехать? Собственно... Можешь переночевать и здесь, – добавил он, краснея и проклиная себя за этот привет из юности. – Я тебе в спальне постелю, а сам...

– Вообще-то, Юлька, дочка моя, с мамой сейчас, но... Завтра ведь на работу, – осторожно заломалась Оля, в действительности давно и на все согласная.

– Утром отвезу, – предложил он смелее...

Она вышла из ванной в его халате – в спальне белела постель.

«Ну, слава тебе господи, – подумала, скромно опускаясь на край кровати, – кажется, намечается-таки сдвиг в сюжете».

Но стойкий Пшеницын не обнаруживал никаких нескромных намерений.

– Ты не бойся, – произнес он заготовленную фразу, – я в другой комнате устроюсь.

– Да я и не боюсь, – сказала она, глядя себе на коленки.

– Пойду в душ... – сообщил он нерешительно, точно это требовало обсуждения.

Она лежала и ждала. Из душа долго лилась вода. Потом Оля прислушивалась к его затянувшейся возне – в ванной, затем в кухне. Дверь спальни была приоткрыта. Она позвала жалобным голосом:

– Саша! Ты скоро? Я тебя жду!

– Скоро, скоро... – донесся глухой ответ.

Она подождала еще и воскликнула протяжно:

– Иди ко мне!

Он вошел, тоже в халате, и остановился у двери. Она села, не стесняясь наготы, пома-нила руками.

Саша подошел, все еще не решаясь, медленно снял халат и остался ни в чем. Медленно залез под одеяло... Было жарко. Оля сбросила одеяло на пол, он обнял ее и нежно-нежно стал целовать.

Пшеницын оказался на высоте. Было с чем сравнить. Все произошло неторопливо, со вкусом, без блеска и головокружения, но именно так, как должно было быть... Они уснули не скоро, проснулись вместе. И только утром Оля обнаружила на диване в соседней комнате действительно разобранную постель, напрасно прождавшую хозяина всю ночь и сиротливо белевшую среди нарядной мебели.

...Сидя за своим рабочим столом, Оля не замечала спящих сослуживцев. Монитор давно погас, по темному полю экрана проплывала надпись заставки: I love you... I love you... Оля покачивалась на стуле, задумчиво разглядывая желтые розы, подаренные Сашей.

Сотрудницы, видевшие Ольгу с букетом выпрыгивающей из машины, были заинтригованы. «Интересный мужчина», – согласились некоторые. «Врут, – она подумала. – Карпов был получше, а не хвалили... Хотя...» Она представила себе бывшего своего гражданского мужа и поморщилась. Вечная щетина, опухшее лицо, брюки мешком... А из машины-то не выходил – вываливался! И не даме помочь выйти, на заднее колесо поглазеть: что там барахлит. А тут – Сашка! Костюмчик с иголочки, шикарный парфюм, дверцу галантно распахивает... Чего там! Отдыхает Карпуша!»

Оля любовалась цветами и вспоминала о прошедшей ночи. «Интересно, что он теперь станет делать? Развода добиваться? Вообще-то, не похоже: такие не разводятся. Ведь карьера! А совместно нажитое имущество? А наследники?!» Она задумалась. «Выходит – так будем встречаться? Если только он не похерит на фиг эту свою *траекторию*...» – подумала, сладко потягиваясь на крутящемся стуле.

А Пшеницын рулил на работу и, привычно ведя машину по знакомому маршруту, тоже думал об Ольге. Вот и сбылось... И ничего странного. И так всегда бывает, когда живешь по четкому плану: всего можно достичь, любого успеха! Ольга этого не понимает... А вот Светка понимает. Светка, конечно, амеба – но при чем тут одноклеточные? Светка – это база. Это... Жена должна быть опорой карьеры, еще лучше – ее гарантией! «Жаль, что Оля так доступна», – вздохнул он, сыто улыбаясь. И подумал, что она, наверное, не раз отдавалась вот так, с первой встречи, разным мужчинам. А впрочем... Как бы то ни было, ничто не замутит для него ясности горизонта.

Саша подъезжал к конторе, и ночные воспоминания все определеннее вытеснялись планами предстоящего дня. «Соловьевцы не получают заказ на платы, это окончательно... Хм! Смешная Оля: говорит, скучно живу... А она ласковая... – он улыбнулся размягченной улыбкой и тут же снова вспомнил о делах: – А Смирнову сказать, чтобы сворачивал все завязки по «Олимпу», обойдутся!...»

Оля смотрела на букет и не могла себя заставить заняться работой. Машинально щелкала клавишей, освещая экран дисплея, но была не в состоянии сосредоточиться на диаграммах. Начальница несколько раз напоминала ей о служебных обязанностях – но Оля ничего не могла с собой поделать.

...Саша позвонил через три дня.

Чего только не передумала она за это время! Подозревала несчастье: попал в аварию, серьезно заболел... Не могла лишь представить себе, что Сашке было не до нее.

– Не хотел надоедать, – невозмутимо объяснил полковник. – Да, думаю, и ты не сидела у телефона в ожидании. Так ведь? Поклонники, свидания, объятия! Небось и дома-то не ночевала? – предположил под видом шутки.

– ... Ну почему я такая несчастная! – горевала Оля, специально явившись за этим к лучшей подруге Полине. – Вон люди – каждый год к морю! Дом – полная чаша! А тут... Ловишь-ловишь жар-птицу, скажи, Поль? – а в результате оказываешься со всеми своими притязаниями все в той же глубокой ж...пе!

– Да, Оля! Все за грехи нам! – привычно обобщила ее случай Полина. – Смолоду сильно переборчивые были, много людей обидели.

– Нет, ты подумай! – возмущалась Оля. – Не звонил три дня, объявился, только чтоб потрепаться... Душевности – ноль. Планов никаких. И еще намекает, будто у меня рота мужиков!

– Ну, что ж, – резонно заметила Поля, – просто перенес ваш опыт на весь твой образ жизни. Вообще говоря, с чего бы ему думать иначе? Он же не идиот. Согласись, приписать твою безотказность исключительно собственной неотразимости – у него нет оснований.

– Ты думаешь? Но с какой стати он меня ревнует? У самого жена и двое пацанов... Ведь ревнует?

– Натюрлих!

– И главное, что обидно, – томилась Ольга, – ведь я уж готова была оценить его, прямо скажем, неброские достоинства. Ну, пусть не жар-птица, бог с ней! Пусть такой вот пингвин в погонах. Так нет же! И пингвин приписан к другому ведомству! – она всплеснула руками. Полина засмеялась. – У него, видишь ли, траектория! И как тебе эта бредовая теория?

– Не такая уж она бредовая. Даже довольно изысканно для полковника, – хладнокровно заметила подруга.

– Нет, но почему мы не можем жить, как они – скучно, но безошибочно? Нудно, но стабильно? – Ольге хотелось увериться, что Саша, в сущности, живет плохо, только не решается себе в этом признаться. – И почему ж это моя траектория не ведет к цели?

– Да ты ее имеешь – цель-то? – огорошила Полина. – У тебя ж, Оленька, не цели, а мечты, и самые бесформенные. А мечта что? – дым! Вот полковник зацепился за почтенное место, звездочки на погонах отращивает. А ты всю жизнь желаешь мир удивить, но до сих пор даже не придумала, чем бы именно. Никак не определишься. А реальная-то цель, хоть одна, у тебя имеется?

Оля недобро посмотрела на подругу, вдруг принявшую сторону этих зануд с их правильными траекториями.

– Отсюда вот и уши растут! – подвела итог Полина. – Нет цели-то, нет! Полковник идет коротким путем, потому что знает куда. А ты не знаешь – вот и блуждаешь, как в потемках.

– А ты, интересно?

– Да та же фигня! – Полина беззлобно отмахнулась.

Оля обмякла и погрузилась.

– В последнее время, – сказала потерянно, – угнетает чувство бессмысленности... всего... Понимаешь? Вот в чем, например, смысл этого пересечения? Ну в чем?

– Да черт его знает! – задумчиво отвечала Полина. – Ну, может, Провидение ему такую награду послало... За благонравие, за терпение... Молодец, мол, Сашок, давай так и дальше.

– А я у Провидения что – падчерица, что ли? Почему оно обо мне не печется?

– Видать, не заслужила... Да еще заслужишь! Брось расстраиваться, ты ж его не любишь.

– Нет, конечно, – согласилась Оля. – Но, знаешь, обидно как-то: вроде вариант этот уже и подошел бы – в постели, и вообще... Я как-то даже и настроилась. А с другой стороны, – размышляла вслух, – будь он свободен – это был бы не он: не бывают *такие* холостыми. А занятый он безнадежен, тоже ясно... То есть что получается? Теперь я согласна – так он не может, а раньше он бы всей душой – да я ни за что на свете... Ну и зачем тогда все?

Она грустно смотрела мимо подруги, не ожидая ответа.

– Понимаешь, в школе-то я в принципе не могла оценить его преимуществ. Ну, не очень они заметные, что ли, – заговорила снова, точно извиняясь в собственной близорукости. – А я была девушкой яркой, многим нравилась... Вроде мезальянс получался. Что ж? До осознания ведь тоже дожить надо! Попробовать более привлекательные варианты, разромантизировать их, нахлебаться, остаться одной – тогда уж все переоценить.

– Да, может, еще получится у вас, – осторожно предположила Полина, утешая.

– Вряд ли! – вяло отмахнулась Оля. – Говорю же: теперь это почти так же невозможно, как тогда: такие не бросают жен и не якорят себя долгими связями. Чтоб никто на ногах не вис, когда они бодро к цели топают, – добавила желчно, вместе с тем понимая, что ей, в сущности, обижаться не на что.

...Ольга брела домой и думала все о том же: о бессмысленности пересечения траекторий. По крайней мере, для нее. Она чувствовала, что силы небесные ее как будто потеряли на земле. А может, она сама давным-давно сбилась с пути. Увлеклась, наверное, радостью бытия. Увлеклась, как тетерев на току, – да и попалась. Забыла, что вечной радости не бывает, забыла, что судьба потребует расплаты... Оказалась не готова.

В юности почему-то кажется, что жизнь обещает непрерывный праздник. А потом становится ясно, что никто тебе, собственно, ничего не обещал. И тот аванс в виде молодости, красоты, ничего не стоящего успеха нужно было вложить в дело. А если ты его промотал жалким образом – твои проблемы.

– ...Наконец-то, – обрадовалась мама ее возвращению. – Тебе какой-то парень обзвонился, Саша, кажется. Из вашего класса. Ты позвони ему сама-то.

– Да поздно уже, мам, – зевая, сказала Оля. И пошла раздеваться, чтобы скорее уснуть. Но раздался звонок.

– Ой! Да это какие же мы отважные сегодня! – воскликнула она язвительно. – Такой, значит, маленький отважный Пшеницын! Пшеницын такой бесстрашный! Это мы что же, значит, звоним прямо из супружеской постельки, да?

Саша хохотнул нехотя, маскируя всегдашнее отсутствие находчивости. Потом сосредоточился и сказал:

– Я-то из супружеской, хотя жена, в общем, на даче. А вот ты где была? Просто удивляюсь, что домой вернулась, думал, там уж и останешься.

– Где это там?

– Тебе лучше знать – где. Небось умоталась, бедняжка! Ты бы поберегла б себя, Оль, а то все ж таки возраст...

– Пшеницын, а что ты несешь, – перебила она его. – Твое-то какое дело? Да где бы я ни была... – Оля собиралась выступить принципиально, с вызовом подтвердить его подозрения. Но почему-то вдруг сменила лейтмотив на противоположный и возмущенно воскликнула: – Я что ж, по-твоему, – девочка по вызову?! – «Впрочем, давно я уже не девочка, а баба под сорок, и *вызывать* меня, увы, некому», – додумала про себя и вдруг произнесла опять другим, неожиданно задушевым тоном: – Пшеничкин, а ты бы мог бросить все и на мне жениться? – Внутри у нее похолодело. Она и сама не ожидала от себя такого ва-банка.

На том конце тоже повисло мучительное молчание. В голове полковника, словно в темном тумане, пронеслись новая сантехника, почти достроенная дачка, суровые брови тестя-генерала, битком набитая парковка, лица жены и детей, золотые погоны и семейный фотоальбом...

Первой не выдержала Ольга.

– Во дурачок, – сказала. – Ну, что напрягся-то? Я ж шучу! Просто на понт тебя брала, глупый. Расслабься, милый... – пропела нежно, потому что с того конца по-прежнему не доносилось ни звука. – Твоя траектория в безопасности! Ладно, поздно уже, – добавила,

принужденно зевая. – Завтра позвони... Спать хочу – умираю! Просто умира-аю... – заключила, изнемогая от ставшей уже привычной жалости к себе, и уронила трубку.

На другой день Пшеницын ехал на дачу к семье, думал о сыновьях, думал о планах Светки строить сауну с бассейном... И гнал от себя мысли об Оле. Нет, он слишком расслабился, слишком... Это ж надо – до чего дошло! Вот так-то с пути и сбиваются, так и сойдешь с маршрута, петель нарежешь, а потом оглянешься – и концов не сыщешь, а уж напелел, напортил! Нет, нужно, нужно контролировать, в руках держать себя нужно и контролировать... И нельзя все время отвлекаться! – резко заключил он, осторожно выворачиваясь из-под неторопливо ползущего впереди широкоплечего рефрижератора.

И Оля ехала на дачу. В электричке удалось занять место на лавочке, и она, никем не толкаемая, тоже плыла по течению собственных мыслей. Оля думала, что это удивительно, как могла она всерьез размышлять об этом робком пингвине, об этом неуклюжем и тягучем семьянине, с которым разговор-то – сплошные паузы... И вообще... И, кстати, очень трудно все время подстраиваться, нет, все-таки нужно сходиться с себе подобными, а не... А на даче предстоит заняться огородом, и дочка, Юлька, заждалась, и хорошая погода – осень, но тихая, теплая, точно нежное лето... А лета-то и не было, считай, летом все хмурилось да текло, толком и не погрелись ничего... А зато вот осень балует. И вообще, так и бывает, так вот и бывает... – умиротворенно думала Оля, ничего толком не имея в виду и не пытаясь даже определить, что же именно так и бывает, но точно зная, что все бывает вот именно так.

Не было печали

«Господи, ну почему ты создал мужчин такими невообразимыми умниками, а мы у тебя – бабы – такие дуры?!»

Это я чуть ли не вслух бормотала, с отчаянием в душе бредя через парк к метро. «Ведь посмотри, как все нечестно устроено, Господи! У мужчины же что? Вот ему любовь, вот работа, вот футбол, вот друзья, вот пиво, вот рыбалка, вот, вот, вот... все ему... И это еще замечательно, если любовь где-то на первых позициях!.. Но как бы то ни было – у него и одно, и другое, и третье, и пятое, и десятое... Все разложено по параллельным полкам, все одинаково важно, всему достойное место. И что ему эта любовь? Ну потерял, допустим, – жаль, конечно, но не такая уж и беда – вон еще сколько всего!

Счастливицы! Они не впадают в любовную зависимость...

А у нас, у женщин? Вот тебе любовь – и... И все! Остальное под ней. Или в ней, как в кофоне. Все ею накрыто. Потеряй ты ее – и ты все потеряла. Себя потеряла. А как жить? Господи, как же мне плохо! Почему он так со мной...»

Я опять завывала мысленно дурным воем, да что там мысленно – явно вслух и завывала, только тихо. Замычала скорее, и слезы брызнули. Но плакать на улице в голос не хотелось ужасно, так что опять, как всегда, скрепилась, понадеявшись дома, спрятавшись от мужа в ванной, всерьез оттянуться в хорошем, бесконтрольном рыдании.

«И как я работаю?! Абсолютно не понимаю. Мне ж сейчас не до того совершенно...»

Сегодня прошло четыре клиента – и я, как могла, эмпатировала. То есть втягивалась в их обстоятельства, подключалась к ситуации, но только без их эмоций. Так, чтобы и способность соображать не отваливалась. И слава богу, не было ни одного с проблемами, похожими на мои, а то бы собственные переживания накрыли – и прощай, психологическое консультирование: ничем уже и никому не смогла бы помочь.

Сегодня не было ни одного такого, как я... А завтра? Мне давно уже пора пойти к кому-то из коллег за тем же самым: пусть помогут, пусть разберут мою ситуацию без этой моей растерянности и обиды, без моего отчаяния, которое напрочь перекрывает способность что-то рационально обдумать, из чего-то сделать выводы, что-то исправить.

Пока шла к метро, в ритм надорванному шагу выбивалось:

Тонкая
в сердце
ссадина
Ноег,
как гул
струны.
Не по заслугам
дадено.
Отнято
без
вины.

Да-а... Еще недавно я думала – за что мне, мол, такое счастье! А теперь – ну за что? За что ж я так мучаюсь? Почему он вот так со мной: то был, был, и любовь была – и вдруг нет ничего. Ни с того ни с сего. Ну просто было – и вдруг нет. Да разве так бывает? Ну что ж я ему сделала-то?!

Мои ботинки не так грубы, чтобы казаться тинейджерскими. Но они основательны. Ботинки на толстой подошве выглядят основательно. Всего лишь деталь. Но подсознание ее воспринимает именно так. В моей профессии это важно – я психолог-консультант. Клиенты должны доверять уже одному моему виду. Они должны чувствовать, что вот именно здесь им помогут решить их застарелые проблемы.

Мне двадцать восемь. Не так уж и много для нашей специальности. А выгляжу я даже моложе. В моей профессии это плохо. Я стараюсь юность облика компенсировать. Черно-белой одеждой, например – черные джинсы, белая майка. Надеваю очки с простыми стеклами. Подкалываю волосы на затылке или затягиваю в хвост. Что там говорить – выгляжу я хорошо. У меня белая, нежная кожа. И очень ровный румянец. Мне не нужно ни пудры, ни тона – кожа как у младенца. У меня лучистые глаза и родинка над губой. Лицо условно привлекательное. И фигура ничего. Но я ее скрываю. Не паранджой или мешковатым платьем, а джинсами и просторными майками. Хотя все равно виден и рост, и осанка... Но женственность я не подчеркиваю, мне нельзя. И возраст желательно усугубить. Я – психолог-консультант.

Мой вид реально должен вызывать доверие. И он не может оставлять сомнений. Мне должны симпатизировать женщины. А для мужчин следует выглядеть так, чтобы они на меня не отвлекались. Вместе с тем мой облик ни в коем случае не должен быть отталкивающим, нет, он просто обязан привлекать – но привлекать так, как тянутся в случае чего к надежному врачу с хорошей репутацией. Моя улыбка должна греть, а спокойные уверенные интонации успокаивать и внушать веру в лучшее будущее.

Вот такая я, наверное, и есть. Вернее – была. Похоже, в данный момент мне уже не очень-то удастся сохранять уверенность и спокойствие – могу ли я их внушать? Вопрос риторический... И доведись теперь столкнуться в работе с проблемой, похожей на мою, – едва ли у меня получится сохранить профессиональную рассудительность. Скорее всего, я рискую загрузиться чьими-то переживаниями по самую макушку, смешав их со своими. У нас это называется перенос... Я не смогу помочь разрулить ситуацию клиента, как не смогу помочь сама себе. Потому что сильные эмоции буквально блокируют способность рационально решать проблемы. Собственно говоря, поэтому-то люди к нам и идут. Не оттого, что мы самые умные, а потому что мы их переживаниями не заморочены и смотрим на картинку их жизни чистым взглядом человека со стороны.

Сколько раз слышала: ну как у психолога могут быть какие-то проблемы в личной жизни?! Какой же он тогда психолог?.. Но это просто незнание нашей кухни. Часто люди думают, что психологи видят других насквозь и точно знают, как надо поступать в любой ситуации. Это не так. Мы, конечно, должны разбираться в людях, потому что, во-первых, нас этому пять лет учили, а во-вторых, мы этим занимаемся изо дня в день. Но жизнь так затейливо устроена, что каждая человеческая история, сколь ни будь она обыкновенна, в каком-то смысле все равно уникальна. Это потому что отношения людей почти никогда не бывают простыми линейными процессами. В них так много всего намешано, что свести все к $A + B$ можно только условно. Вот почему в нашем деле популярен девиз: рецептов не выписываем, советов не даем. Ведь любой человек лучше всех знает свою собственную жизнь и правильнее будет, если порядок в ней наведет он сам. А мы только поможем ему восстановить способность быть логичным и рациональным. Поможем расставить акценты и структурировать груды событий с накрученными на них переживаниями в более-менее стройную схему, в которой уже наконец-то можно будет хоть как-то безболезненно существовать, двигаясь дальше, а не циклясь в проклятом замкнутом круге.

А в частной жизни всякий психолог – обычный человек. И, как любой человек, в шуме зашкаливающих эмоций он не слышит чистых нот благоразумия и рассудительности.

Но как хирург не станет сам себе вырезать аппендицит, а парикмахер за стрижкой отправится к другому парикмахеру – так психолог должен обратиться за помощью к своему коллеге.

Видимо, это и мне теперь необходимо. Ведь я сама себе не принадлежу. Я попалась. Я зависима – и не вижу пока для себя подходящего выхода.

Господи! А давно ли сердце было свободным?! И вот... С Виталиком почти сразу все пошло не по правилам.

В их компании я работаю на полставки. Точнее, по договору, два-три раза в неделю провожу тренинги под разные задачи, которые ставит руководство. А он там трудится начальником отдела продаж. И один раз явился на мое занятие. Как же Вит смотрел на меня тогда – о, это реально задевало. Думаю, я ему сразу понравилась, как и он мне – но дело не в этом. Все время, пока я вела тренинг, он смотрел так, словно я его любимая полоумная тетушка, которая по тридцатому разу возбужденно пересказывает историю своей молодости. В этом взгляде читались и усталость, и терпеливая снисходительность. Он едва заметно улыбался уголками губ, будто раз и навсегда решил родственницу не огорчать, какую бы там чушь она ему ни загибала. Ни в чем практически не участвовал – а тренинг был по управлению конфликтами, – прикрывал чуть-чуть глаза и доброжелательно кивал, слегка отмахивая ладонью на соседа справа или слева, если я к нему обращалась, – стрелки переводил. Ясно было, что пришел он ко мне не потому, что не знал, как с конфликтами справляться, и не потому, что некуда время девать. Ну, может, руководство загоняет менеджеров на такие занятия, не знаю... В общем, почему-то он пришел, и мы познакомились.

После тренинга Вит задержался... Хотя нет, я сама его удержала, спросила, действительно ли ему все это было так тяжело и скучно. Он возразил, но так, как разуверяют маленького ребенка. Потом пошутил как-то удачно, потом проводить меня вызвался. Ну и понеслось. Впрочем, не то что сразу понеслось, но, говорю же, сразу друг другу понравились. А это ведь каждый знает, когда что-то такое начинается, ты при встрече с ним – или с ней – прямо вспыхиваешь радостью, и сталкивает вас – как разнозаряженные частицы, так вот и несет друг к другу. И вам кажется, что вы ведете себя очень естественно, совсем обычно, но просто вот так обрадовались встрече. Просто радость у вас – и только. А со стороны уже для всех все ясно: *у людей намечается роман*. Вы думаете, что у вас есть восхитительная, вас одних будоражащая тайна, а все вокруг уже в курсе, можно не сомневаться... Больше Виталик на мои тренинги не приходил. Но мы стали переписываться, потом перезваниваться, потом встречаться в кафе, устраиваться в холле поболтать, вместе обедать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.